

А. И. Груша

НЕДОВЕРИЕ — НЕ ИЗ-ЗА НЕГО ЛИ ПОЯВИЛСЯ ПИСЬМЕННЫЙ АКТ?

Идея данной статьи возникла в процессе работы над комплексом проблем формирования письменной культуры в деловой и правовой сферах Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) в последней трети XIV – первой трети XVI в. В частности, при решении едва ли не главной проблемы этого комплекса — почему возник документ как таковой?

Большое количество исследований, посвященных формированию письменной культуры в средневековых странах Центральной и Западной Европы, содержит ответ на этот вопрос примерно в такой формулировке: «документ возник потому, что осложнились общественные (социальные, экономические и др.) отношения». В принципе он верен, но ответ на данный вопрос подразумевает выяснение того, что именно «усложнилось», в контексте каких изменений происходило это «усложнение»¹.

¹ В рамках научного направления, изучающего формирование письменной культуры, понятия «грамотность», «чтение», «письмо» рассматривается не просто как способность читать и писать, хоть это и является частью того, что означают эти понятия, но как сложный культурный феномен с мощной идеологической составляющей; как технологию, вызвавшую существенные изменения в сознании и организации общества. Для обозначения данного феномена и области исследования наряду с термином «письменная культура» и даже чаще в англо- и немецкоязычной литературе используются термины «Literacy» (англ.), «Schriftlichkeit» (нем.). О двух последних терминах см.: *Mostert M. New Approaches to Medieval Communication? // New Approaches to Medieval Communication / Ed. By M. Mostert, with an introduction of M. Clanchy. Turnhout, 2005. (USML. Vol. 1). P. 22–28.* Историкографические обзоры исследований, посвященных вопросам «письменности» в средневековых странах Западной и Центральной Европы, см.: *Potkowski E. Średniowieczna kultura piśmienna: Piśmienność sakralna, piśmienność pragmatyczna // Potkowski E. Książka i pismo w średniowieczu: Studia z dziejów kultury piśmiennej i komunikacji społecznej. Pułtusk, 2006. S. 11–32* (первая редакция: *Potkowski E. Problemy kultury piśmiennej łacińskiego średniowiecza // Przegląd Humanistyczny. 1994. R. 38. Nr 3. S. 21–40*); *Adamska A. Średniowiecze na nowo odczytane. O badaniach nad kulturą pisma // Roczniki Historyczne. 1999. Rocznik LXV za rok 1999. S. 129–154.* *Briggs Ch. Historiographical Essay. Literacy, Reading, and Writing in the*

В современном обществе такие официальные процедуры, как, например, установление личности и различных прав физических лиц (также как и юридических) в значительной степени не требуют проявления речевых способностей со стороны как этого лица, так и представителей власти. Часто общение между ними обеспечивается за счет предоставления необходимых документов. Представители власти вовсе не нуждаются в устной информации частного лица. Им нужна достоверная информация, а такую информацию из уст данного лица (в силу его стремления по тем или иным причинам скрыть или исказить факты) они могут и не получить. Если оставить пока в стороне все прочие функции документа (в том числе главные: хранение информации, ее передача на расстоянии), то с особой отчетливостью выделяется еще одно его предназначение: он заменяет отсутствующее доверие к устной информации предъявителя. И такую функцию письменный акт стал приобретать с раннего Средневековья.

Но что же заменяло доверие до появления документа; почему то, что заменяло доверие, в конечном счете постепенно стало терять силу (уступив место документу)? Решение этих вопросов вводит нас в область исследования глобальной трансформации общественных отношений, результаты которой, по нашему мнению, и создали условия для появления утверждающего те или иные договорные отношения и судебные решения письменного акта. Речь идет о секуляризации сознания, формировании рациональных отношений между

Medieval West // *Journal of Medieval History*. 2000. Vol. 26. Nr 4. P. 397–420. Среди наиболее известных работ, инспирировавших появление ряда публикаций по указанным вопросам: *Goody J., Watt I.* The Consequences of Literacy // *Comparative Studies in Society and History*. 1963. Nr 5. P. 304–345; *Clanchy M.* From Memory to Written Record: England 1066–1307. London, 1979 (Second edition — Oxford, 1993); *Ong W.* Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. London, 1982; *Stock B.* The Implications of Literacy. Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries. Princeton, New Jersey, 1983; *McKitterick R.* The Carolingians and the Written Word. Cambridge, 1989 и др. Проблемы письменной культуры в средневековой Европе изучались в рамках двух исследовательских проектов, реализованных в Мюнстере: «Träger, Felder, Formen pragmatischer Schriftlichkeit im Mittelalter» (1986–1999) и Утрехте (Нидерланды): «Pionier Project “Verschriftelijking”» (1996–2000). О первом проекте см.: Träger, Felder, Formen pragmatischer Schriftlichkeit im Mittelalter. Bericht über die Arbeit des Sonderforschungsbereichs 231 an der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster 1986–1999 / Ed. by Ch. Meier. Münster, 2003; Pragmatische Dimensionen mittelalterlicher Schriftkultur / Ed. by Ch. Meier u. a. München, 2002; *Meier Ch.* Fourteen years of research at Münster into pragmatic literacy in the Middle Ages: A research project by Collaborative Research Centre 231: Agents, fields and forms of pragmatic literacy in the Middle Ages // *Transforming the Medieval World: Uses of Pragmatic Literacy in the Middle Ages: A cd-rom and a Book* / Ed. by F. Arlinghaus a. o. (USML. Vol. 6b). Turnhout, 2006. P. 23–39. Вопросам письменной культуры в период Средневековья посвящена продолжающаяся издательская серия Utrecht Studies in Medieval Literacy (USML, общий редактор М. Мостерт), в рамках которой, в частности, опубликованы сборники статей и монография: *New Approaches to Medieval Communication*; 1-е изд. этого сборника вышло в 1999 г.; *Charters and the Use of the Written Word in Medieval Society* / Ed. by K. Heidecker (USML. Vol. 5). Turnhout, 2000; *Learning and Literacy in Medieval England and Abroad* / Ed. by S. Rees Jones (USML. Vol. 3). Turnhout, 2003; *The Development of Literate Mentalities in East Central Europe* / Ed. by A. Adamska, M. Mostert (USML. Vol. 9). Turnhout, 2004; *Nedkvitne A.* The Social Consequences of Literacy in Medieval Scandinavia (USML. Vol. 11). Turnhout, 2004; *Reading Images and Texts: Medieval Images and Texts as Forms of Communication: Papers from the Third Utrecht Symposium on Medieval Literacy (Utrecht, 7–9 December 2000)* / Ed. by M. Hageman and M. Mostert (USML. Vol. 8). Turnhout, 2005; *Transforming the Medieval World: Uses of Pragmatic Literacy in the Middle Ages; Strategies of Writing. Studies on Text and Trust in the Middle Ages: Papers from «Trust in Writing in the Middle Ages» (Utrecht, 28–29 November 2002)* / Ed. by P. Schulte, M. Mostert, I. van Renswoude (USML. Vol. 13). Turnhout, 2008. Содержание этих и других, а также готовящихся к печати сборников и монографий, см.: <http://www2.hum.uu.nl/Solis/ogc/medievalliteracy/USML-overview.htm> (последний доступ 11 июня 2010 г.).

людьми², которые основаны на представлениях о минимальном вмешательстве высших сил в эти отношения, решающей роли в них личных качеств, способностей и воли человека, а не Бога.

Данная трансформация началась еще в эпоху господства устных способов коммуникации, поэтому формирование рациональных отношений слабо отразилось в письменных, впрочем, как и в других источниках. Компенсировать этот недостаток помогает ретроспективный материал второй половины XV—"первой половины XVI в., относящийся, в частности, к функционированию института присяги, а также ее своеобразного аналога — свидетельства «Божьей» правды. Длительное время в ВКЛ присяга являлась способом утверждения различных договоров, доказательства и отвода обвинения в суде. С призывом сообщить «Божью» правду обращались во время тяжб судьи к свидетелям, намереваясь услышать от них правдивые показания. Это и дало нам основания избрать присягу и свидетельство «Божьей» правды в качестве предмета нашего внимания.

Свой взгляд мы сконцентрируем на судебной присяге, которая в отличие от различных видов «политической» присяги³ отражает более обыденный уровень отношений между людьми. С точки зрения решения интересующих нас вопросов, судебная сфера имеет и еще одно преимущество. Это одна из тех сфер, куда документ стал проникать сравнительно рано, и в которой он закрепился довольно прочно. В судопроизводстве ВКЛ со второй половины XV в. четко проявилась смена приоритетов в пользу документа, особенно в той ее области, которая была связана с делами о владении земельным имуществом.

Попытаемся выяснить роль, значение, основу функционирования, механизм и сущность действий присяги и «Божьей» правды в судебных делах; процедуру назначения присяги в разное время ее функционирования; причины изменений в данной процедуре. Результаты исследования помогут уяснить содержание рациональных отношений между людьми в конфликтных ситуациях, разрешаемых посредством суда, а вместе с этим и конкретные условия появления некоторых разновидностей письменных актов.

² О связи письменности и рационализации отношений между людьми см.: *Stock B.* 1) *The Implications of Literacy.* P. 30–34; 2) *Schriftgebrauch und Rationalität im Mittelalter* // Max Weber *Sicht des okzidentalen Christentums* / Ed. by W. Schluchter. Frankfurt / am M., 1988. S. 165–183.

³ О «политической» присяге в ВКЛ см.: *Kosman M.* *Forma umów międzynarodowych Litwy w pierwszej ćwierci XIII wieku* // *Przegląd historyczny.* 1966. T. LVII. Z. 2. S. 213–234; *Rowell S.* *A pagan's word: Lithuanian diplomatic procedure 1200–1385* // *Journal of Medieval History.* 1992. Vol. 18. Nr 4. P. 145–160. О различных типах и видах средневековой присяги (клятвы) см.: *Филошкин А. И.* 1) *Институт крестоцелования в средневековой Руси* // *Клио. Журнал для ученых.* СПб., 2000. № 2 (11). С. 42–48; 2) *Развитие института крестоцелования на Руси в X–XV вв.* // *Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем: Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Сборник тезисов XIX конференции памяти В. Д. Королюка.* М., 2000. С. 130–135; *Stein-Wilkeshuis M.* *Scandinavians swearing oaths in tenth-century Russia: Pagans and Christians* // *Journal of Medieval History.* 2002. Vol. 28. P. 155–168; *Стефанович П. С.* 1) *Давали ли служилые люди клятву верности князю в средневековой Руси?* // *Мир истории. Российский электронный журнал.* 2003. № 2. <http://www.historia.ru/2006/01/klyatva.htm> (последнее посещение 11 июня 2010 г.; 2) *Князь и бояре: клятва верности и право отъезда* // *Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* *Древняя Русь. Очерки политического и социального строя.* Москва, 2008. С. 164–165; и др.; *Антонов Д. И.* *Клятва на кресте как феномен русской средневековой книжности* // *Источниковедение культуры. Альманах.* Москва, 2007. С. 93–153.

В 1460–1470-х гг. на белорусско-литовском пограничье в результате действия великокняжеской судебной власти был создан один документ⁴. Судьи великого князя, паны Бартош Монтовтович, Ганус Дягырдович и Михайло Корсакович, рассматривали тяжбу между панами Яном Петрашевичем⁵ и Яном Юшкевичем⁶ об избиении и ограблении бобровников первого и отнятии бобров. По утверждению Яна Петрашевича, бобровые гоны были выслужены его отцом при великом князе Сигизмунде Кейстутовиче, пожаловавшем Петрашке (отцу Яна) Куренецкий двор и Марковский дворец. Вторая сторона — Ян Юшкевич — возразила: с тех пор, как его отцу, а также дяде Олехне⁷ достались люди кривичане (жители с. Кривичи⁸), бобровники «берег гонивали» так, как это было при великом князе Витовте⁹, т. е. не в соответствии с информацией истца.

Утверждения судебных сторон не удовлетворили судей, которые с целью получения показаний обратились к «земцам» — местным жителям. По содержанию источника, который передает прямую речь судей, обращенную к судебным сторонам, это было сделано, «иж быхмо меж вась конець знашли и доброую справедливос(т) подлугъ права хрес(т)яньскаг(о) вчинили». Ян Петрашевич предоставил для дачи показаний «старьи и звечныи» «людники» — бобровников и их пристава, которые «гонивали» бобров еще за великих князей Витовта и Сигизмунда Кейстутовича. Следующая информация источника требует специального внимания.

⁴ Данный документ не имеет годовой даты. По филограниологическим данным он датируется приблизительно 1460–70-ми гг. Водяной знак — «Виноград» — сходен (имеет сходство по общей композиции рисунка и деталей знака): *Лухачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 2. Предметный и хронологический указатель. С. 115. Ч. 3. Альбом снимков. № 1131 (1470); *Briquet C. M.* Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier... Genève, 1907. Т. 4. P-Z. № 13055, 13056 (1453–1477); *Piccard G.* Sonderreihe die wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch 14. Wasserzeichen Frucht. Stuttgart, 1983. № 762–775 (1456–1465). Уточнить дату издания документа помогают косвенные сведения. Все лица, информация о которых содержится в документе, указаны без должностей. Это может свидетельствовать о том, что в это время они еще не занимали никаких должностей. Первый, кто по источникам занял должность — Михайло Корсак; с должностью он указан в июне 1467 г. (см. ниже — тяжбу между Юрием Зеновьевичем и Олехной Судимонтовичем; см. также: *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje — XV a. Sudėtis — struktūra — valdžia. Vilnius, 2003. P. 317; ср. упоминания о занятии должностей другими лицами: *Petrauskas R.* Op. cit. P. 226, 264, 309, 311, 313, 317, 320, 329). На основе этих данных можно предполагать, что события, отразившиеся в источнике, произошли в 1460-х гг. — до июня 1467 г.

⁵ Речь идет об отце Петра Яновича Монтыгирдовича, о котором до этого времени ничего не было известно (*Pietkiewicz K.* Wielkie księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznań, 1995. S. 88; *Petrauskas R.* Op. cit. P. 261).

⁶ Больше известен как Ян Юрьевич Заберезинский. Внук Римовида. Его отец — Юшко (Юрий) — родоначальник Заберезинских. 1482–1496 — господарский маршалок, 1484–1496 — полоцкий наместник, 1492–1498 — троцкий каштелян, 1498–1505 — троцкий воевода, 1498–1508 — земский маршалок. Убит в 1508 г. Михайлом Глинским (*Semkowicz W.* O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413 // *Lituanoslavica Posnaniensia Studia Historica.* 1989. Т. 3. S. 22–23; *Pietkiewicz K.* Op. cit. S. 90–93; *Petrauskas R.* Op. cit. P. 285, 309).

⁷ Олехно Римовидович — родоначальник Олехновичей, от которых пошли Кухмистровичи, Иржиковичи, Дорогостайские (*Semkowicz W.* Op. cit. S. 23; *Petrauskas R.* Op. cit. P. 285).

⁸ Село Кривичи (бел. Крывічы) — ныне городской поселок, центр Кривичского поселкового сельсовета Мядельского р-на Минской области (Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь. Нарматыўны даведнік. Мінская вобласць / Сост. І. А. Гапоненка, І. Л. Капылюў, В. П. Лемцюгова і інш. Мінск, 2003. С. 327–328).

⁹ Заберезынье — владение Заберезинских (от названия этого села образовалась их фамилия) получил князь Корибут (Дмитрий Корибут) и его сын князь Федор. Ныне Забрэзье (бел. Забрэзьце), центр сельсовета Воложинского р-на Минской области (Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь... С. 121).

Судьи обратились к бобровникам и их приставу с требованием: «*Повежете правду без душинаг(о) вразу...*»

Свидетели подтвердили слова Яна Петрашевича. В отличии от последнего, Ян Юшкевич не предоставил для дачи показаний ни одного человека. Однако на этом разбирательство не завершилось. Судьи приказали собрать и опросить 30 человек из числа местных жителей, имевших земли и входы вдоль реки, и спросили у них: «Как вы ведаете о бобровых гонех здавна». Вновь обратим внимание на содержание вопроса: «*Повежьте правду, д(у)ши своеи не вразете, а напасту¹⁰ боитесь*». Все эти 30 человек местных жителей свидетельствовали в пользу Яна Петрашевича. Поскольку для судей показания и этих людей оказались недостаточными, они провели опрос и людей кривичан, принадлежавших Яну Юшкевичу. Содержание вопроса было следующим: «Вы, кривичане, *сознаите Божюю правду*, как было здавна...» Кривичане дали показания *против своего владельца*¹¹.

Свидетельство Божьей правды не отождествлялось с присягой (в рассмотренном источнике ниже отдельно говорится о присяге), но по своему статусу и значению оно приравнивалось к ней. В связи с этим рассмотрим следующее судебное дело. В 1467 г. великокняжеские судьи — менский наместник, князь Иван Иванович Жеславский, и марковский наместник, упомянутый выше пан Михайло Корсакович — судили полоцкого наместника пана Олехна Судимонтовича¹² с паном Юрием Зеновьевичем о земле за речкой Оленец. Как видно из показаний Олехны, названная земля до речки Оленец и до большой Витовтовой дороги (от Марковского перевоза до Каменного Витовтова моста) принадлежала его людям Лялевичам. По утверждению же Юрия, вся эта земля в указанных границах, также как и люди Лялевичи, являлась отчиной и дединой его и его предков; после раздела земли и людей Лялевичей между его отцом Иваном и дядей Василием Ивану достались Беребрановичи и их земля до упомянутой дороги, а Василию — люди Лялевичи и их земля напротив земли, находящейся за речкой Оленец.

В дальнейшем Лялевичи «отошли» от Юрия и его предков, и произошло это таким образом. Во время войны Сигизмунда Кейстутовича и Свидригайлы Судимонт «обадил», т. е. оклеветал перед Сигизмундом дядю Юрия Василия, в результате чего разгневанный Сигизмунд отнял у Василия его «дельницу», людей Лялевичей, и отдал их отцу Олехны. Судьи приказали Олехну Судимонтовичу «довести», что эта земля принадлежала его людям Лялевичам. В качестве довода Олехно высказал готовность предоставить свидетелей — «добрые мужи и бояри, которые того гора[здо] сведоми», что эта земля принадлежала его людям. На вопрос, адресованный Юрию, «чы маеш ли на тое светьки», Юрий ответил: «сведомо всеи околицы, што то есть земля моихъ людеи, але не смеють светьчити на пана Олехъна». Таким образом, Юрий знал, что может найти свидетелей, но высказал сомнение в их способности сообщить правду.

¹⁰ «Напасть» в старославянском и «русском» языках означало, в частности, «напасть», «беда», «несчастье» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. С. 6; ГСБМ. Мінск, 2000. Вып. 19 / Склад. Т. І. Білізюк, А. М. Булыка, Р. С. Гамзівіч і інш. С. 171–172; Словарь старославянского языка. Репр. изд. В 4 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 300–301.

¹¹ AGAD. AR. Dz. X. Sygn. 383. S. 10.

¹² О нем см.: *Petrauskas R.* Op. cit. P. 297–298.

Юрий согласился увидеть и выслушать свидетелей Олехны. Судьи обратились к последним так, как это делали те судьи, которые рассматривали тяжбу между Яном Петрашевичем и Яном Юшкевичем: «Вы, светьки, поведате намь *по правьде, такъ какъ ся Б(о)га боячи*», кому принадлежит земля, которую «ищет» Олехно. Свидетели дали показания в пользу Олехны. Но когда вторая сторона заверила, что все ее люди и старые бояре готовы присягнуть за его отчину, судьи возразили: «П(а)не Юри, твои люди и бояре через светьки пана Олехьновы не мають присягнути».

Таким образом, статус и значение показаний свидетелей и присяги были близкими, но не одинаковыми. Юрий был прав, когда утверждал, что известно всей околице, что земля принадлежит его людям, но «не смеють светьчити» на пана Олехна. Он затребовал от свидетелей Олехны завести землю и присягнуть. Свидетели Олехны согласились на это. Но когда Юрий выехал на место, все они ответили «в одно слово»: «волень его м(и)л(о)сть пань Олехьно над нами, мы на томъ не присягаемъ и *греху собе не приимаемъ*». Таким образом, свидетели могли давать показания под внешним давлением — в данном случае под давлением пана Олехны Судимонтовича, но не могли пойти на клятвopреступление¹³. Так или иначе, указанные сведения проливают свет на то, как можно было обойтись без документов в доказательстве своих прав на земельные владения (что заменяло эти документы), и какое значение при этом имели устное свидетельство и присяга¹⁴.

Вера в высшие силы глубоко проникала в сознание человека: она не была отделена от реальных жизненных практик и являлась мощным побудительным мотивом человека. Связь между людьми и Богом была не менее реальной, чем связь между людьми. Отсюда-то большое значение, которое придавалось сакральным актам в решении практических задач. К числу этих актов относились судебная присяга и свидетельство Божьей правды. В их основе лежало убеждение, что Бог непосредственно вмешивается в людскую деятельность¹⁵. Присяга и свидетельство Божьей правды давались перед Богом; они должны были подтвердить то, что было известно Всевышнему¹⁶.

И присяга, и свидетельство Божьей правды представляли собой «устные способы коммуникации» человека и высших сил. Контакт между ними устанавливался

¹³ LM-25. P. 268–270. № 215.

¹⁴ Явление «сознания» Божьей правды известно в судебной практике Русского государства: «И Петръ Григорьевичъ спросил Митина сторожилца Гриди Малахова: Скажи, *как право перед богом*, чьи то земля, на которых стоим?» (АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 141. № 105. (1498/1499 г.)). Цитаты из Псковской судной грамоты: «А оу кого поймаются за отморшину отца его, или приказной. А и суседем будет ведомо, или сторонними людем. А став человека 4 или 5, а молвят, *как право пред богом*, что число оу него, отморшина отца его ли приказное, и целованья ему нет, а тот не доискался. А только будет человек 4 или 5 скажут, *как право пред богом*, ино ему правда дать, как чисто отморшина» (Цит. по: *Алексеев Ю. Г.* Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской правды до Псковской судной грамоты) // ВИД. Л., 1974. Вып. 6. С. 133; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / Под ред. и с пред. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 441).

¹⁵ *Borowski S.* Przysięga dowodowa w procesie polskim późniejszego średniowiecza. Warszawa, 1926. S. 11.

¹⁶ В. И. Сергеевич дает следующее определение судебной присяге: «Под присягой разумеется подкрепление истинности какого-нибудь показания призыванием имени Бога. В основании этого доказательства лежит вера, что Божество принимает непосредственное участие в человеческих делах и, следовательно, не допустит, чтобы кто-нибудь ложно сослался на него и ложно призвал его в свидетели» (*Сергеевич В. И.* Лекции и исследования... С. 424–425).

при упоминании человеком имени Бога¹⁷. Так проявлялись магические свойства слова. Через словесное упоминание имени Бога душа человека приобщалась к нему, ибо душа — творение Бога и может существовать, как и сам Бог, через слово¹⁸.

Таким образом, свидетельство шло от души. Присягнуть означало «ведать душами», «душею поправить»¹⁹ («оправить»²⁰). Во время тяжбы истцы на вопрос судей, имеют ли они какие-либо доказательства в пользу своих утверждений, могли ответить: «Иньшого доводу никоторого не маемъ, только хочемъ ся душами ведати а хочемъ на томъ присягнути»²¹, «...ижь на то никоторого иньшого доводу не маю, нижли готовъ есми того душею своею поправить»²². Тут существенно следующее. Душа была приобщена к Богу, поэтому свидетельство под присягой являлось одновременно свидетельством и человека, и Бога. Очевидно, так понималось и «сознание» Божьей правды. В случае истинного свидетельства под присягой именно душа получала «збавенье»²³, в случае ложного свидетельства именно душа была объектом наказания. Лжесвидетельство под присягой вело к греху (вспомним слова свидетелей Олехны Судимонтовича: «волень его м(и)л(о)сть пань Олехньо над нами, мы на томъ не присягаемъ и греху собе не приимаемъ»), «образу» души²⁴. Результатом лжесвидетельства на призыв «сознать» Божью правду были «враз» души и «напасть».

¹⁷ О данном способе установления контакта говорит одна из статей Статута ВКЛ 1529 г. Судьям разрешалось самостоятельно рассматривать тяжбу и выносить вердикт по тяжбам, объект и процесс которых не был регламентирован Статутом («чого бы в тых правех не было описано»), но делать это они должны были «упомянувши на Бога» (Pirmasis Lietuvos Statutas. Tekstai senaja baltarusių, lotynų ir senaja lenkų kalbomis = Первый литовский Статут. Тексты на старобелорусском, латинском и старопольском языках / Tekstus par. S. Lazutka, I. Valikonytė, E. Gudavičius; etc. Vilnius, 1991. Т. 2. Ч. 1. Р. 6, арт. 25. С. 188. Об упоминании имени Бога в тексте присяги см.: РИБ. СПб., 1903. Т. 20: Литовская метрика. Т. 1. Стб. 1240. № 25. (1518 г.); Стб. 1303–1304. № 57. (1519 г.); LM-11. Р. 138. № 144. (1522 г.); Lietuvos Metrika (1540–1543). 12-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija) / Par. I. Valikonytė, N. Šlimienė etc. Vilnius, 2007. Р. 160. № 178. (1541 г.); Р. 173. № 198. (1541 г.). См. также: Borowski S. Przysięga dowodowa... S. 37–38. Относительно свидетельства «Божьей правды», то, очевидно, что когда вопрос звучал так: «...сознайте Божью правду...», ответ мог содержать слова: «Сознаем Божью правду...»

¹⁸ Орехов С. И. Клятва и проклятие как элементы религиозного культа // Отношение человека к иррациональному. Сборник. Свердловск, 1989. <http://www.aquarun.ru/psih/relig/relig6.html> (последнее посещение 10 июня 2010 г.).

¹⁹ См. посольские документы: «...а твои посол здесе намъ от тебе присягу и правду вделаешь твоею душею и душею твоихъ кн(я)зеи, влановъ, и мы такеж в тыхъ делех до тебе посла нашего пошглем с тымъ же твоимъ посломъ, и тогъ нашъ посол от васъ тебе правду вделает и присягу нашою душею» (LM-6. Р. 80. № 48. (1496 г.)). «Тобе, милому брату, штож Тевекел-влан зъ Ябунчи, кн(я)земъ, великие послы мои от нас поехавъ, н(а)шею д(у)шею за н(а)шу правду тебе, брату н(а)шому, присягнувши и твою, брата н(а)шого, теж присягу видевъ, до насъ приехали зъ великими послы нашими...» (LM-8. Р. 85. № 49. (1507 г.)). «Присягать душею», «подтвердить присягу душею» (LM-8. Р. 50–51. № 7. (1506 г.); Р. 52. № 8.1. (1506 г.); Р. 53. № 13. (1506 г.); Р. 58. № 21. (1506 г.); Р. 85. № 48. (1507 г.); Р. 87. № 50. (1507 г.); и др.).

²⁰ «...с права душею своею то оправиль и на томъ прысягнуль...» (LM-225. Р. 80. № 101. (1529 г.)).

²¹ ЛМ-228. С. 281. № 158. (1540 г.).

²² ЛМ-16. С. 74. № 105. (1532 г.). См. также: «...мы еще над то душами нашими хотим поправити...» (ЛМ-16. С. 131. № 178. (1533 г.)).

²³ LM-25. Р. 167. № 109. (1530 г.).

²⁴ «Его м(и)л(о)сть с obu сторонъ светковъ опустивъши вчиниль межи ними згодливимъ а нешкоднымъ обычаемъ, безъ сведества и образ д(у)шъ ихъ, што ся дотычетъ присяги...» (Lietuvos Metrika. Knyga Nr 12 (1522–1529). Užrašymų knyga 12 / Par. D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnius, 2001. № 464, № 605. (1526 г.)).

Судебная присяга являлась одним из видов Божьих судов²⁵. Это был своего рода акт заключения договора поручительства человека с Богом, в результате которого Бог становился гарантом правдивости человека²⁶. Бог не допускал ложного призыва к его имени для утверждения неправды²⁷. Участие Бога в исполнении присяги проявлялось двояко: в благословении и проклятии. Бог проявлял ласку в отношении к тому, кто свидетельствовал правду, и мстил в случае богохульного призыва к его имени для ложного свидетельства²⁸.

В судебном разбирательстве принципиально важной являлась проблема «близших» к исполнению присяги²⁹. Присягнуть могла только одна сторона (присяга подтверждала правду, а правда была одна, и была она от Бога). В сложных случаях бросали жребий — «жеребьи», «леса»³⁰, результат которого в варварском обществе рассматривался как воля богов³¹. В XVI в. использование жребия для определения стороны, имеющей право для сложения присяги, очевидно, имело то же значение. Пока что трудно установить существенную разницу между «сознанием» Божьей правды и присягой.

В отличие от современной судебной практики, когда дело может «развалиться» из-за недостатка улик, первоначально достаточно было принести присягу — «поприсягнуть», чтобы доказать свою правоту, или «отприсягнуть», чтобы отклонить обвинения. Сила присяги и показаний свидетелей проявлялась в том, что иногда одна только готовность стороны присягнуть и сослаться на свидетелей вынуждала вторую сторону признать правоту первой³². Отказ одной стороны «пустить»

²⁵ О Божих судах см., например: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права / Изд. 3-е с доп. Киев; СПб., 1900. С. 644–650; *Ключевский В. О.* Терминология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. М., 1989. Т. 6: Специальные курсы. С. 178–179.

²⁶ *Груша А.* Credo quia veru: Аб прычыне адсутнасці пісьменнасці ў варварскім грамадстве (метадалагічны аспект) // Беларускі гістарычны часопіс. 2009. № 2. С. 11.

²⁷ *Borowski S.* Przysięga dowodowa... S. 11.

²⁸ *Ibid.* S. 11.

²⁹ РИБ. Т. 20. Стб. 1303. № 57. (1519 г.); С. 1404. № 116. (1520 г.); Стб. 1419. № 121. (1520 г.); Стб. 1565. № 229. (1522 г.); ЛМ-10. Р. 107. № 111. (1522 г.); ЛМ-14. Р. 388. № 898. (1527 г.); ЛМ-225. С. 97. № 124. (1529 г.); ЛМ-16. С. 68. № 96. (1532 г.); ЛМ-228. С. 234. № 132. (1539 г.); и др.

³⁰ В 1461 или 1476 гг. рассматривалась тяжба между паном Ваской Гулевичем и князем Васильем Сангушковицем (Сендюшковицем) о бобровых гонах и звериных ловах. Вот как передает судебный процесс источник: «И мы (судьи. — А. Г.) спытали пан(а) Васка, который пакъ на то доводъ имаеть, абы тая река Турья вась со кн(я)з(е)мъ Васильемъ о все делила половицю реки. И то (*написано не отчетливо*) Васко рекъ: “Я на то не хочу жадног(о) довод(у) дати, нижлы на томъ присягну, што нас тая река Тоурья со кн(я)з(е)мъ Васильемъ делить по половицю реки, и земля моя, и бобровыи гоны, и звериныи ловы, и борьтная земля вечисто предковъ моихъ и теперь мои”. И кн(я)зь Василей рекъ: “Я присягну и з братомъ своимъ со кн(я)з(е)мъ Михайломъ, што бобровыи гоны и звериныи ловы о(т)ца нашог(о) и наши”. *И мы промежи ихъ жеребьи вергли, чии ся напервеи выиметь, тотъ присягнути маеть на томъ.* Ино ся пан(а) Васковъ жеребьи выняль, и пан Васко на то присягль перед нами а рекучи: то ег(о) вечистыи гоны бобровыи по той реке Турьи по половицю реки и ловы звериныи “у той оу моеи земли и предковъ моих, што къ Качиноу слоужить”. И мы пану Васкоу присоудили заведати по старому, по половиною реки Турьи, гоны бобровыи и ловы звериныи у своеи земли» (Bczart. Perg. 1275). См. также: РИБ. Т. 20. Стб. 147. № 112. (1514 г.); Стб. 209. № 156. (1515 г.); Стб. 1467. № 151. (1520 г.).

³¹ *Груша А.* Credo quia veru... С. 8.

³² РИБ. Т. 20. Стб. 92. № 69. (1514 г.); ЛМ-16. С. 86. № 119. (1532 г.); ЛМ-228. С. 143. № 74. (1538 г.); С. 190. № 104. (1539 г.). Или даже по выражению источника «не слушать того (т. е. свидетельства и присяги. — А. Г.) и бегчы с права» (РИБ. Т. 20. Стб. 78. № 62 (1516 г.)).

(«вести») на присягу вторую сторону³³ или «слаться» на свидетелей, которых готова была поставить вторая сторона³⁴, квалифицировалось как признание правды за первой стороной³⁵. Если одна сторона ставила свидетелей, то противная сторона могла признать свою вину, «не вступаячы у право», т. е. не начиная суда и, следовательно, не ожидая опроса этих свидетелей³⁶. И наоборот, если сторона, сославшись на свидетелей, не предоставляла их в суд или предоставляла не всех их, то проигрывала дело³⁷. Показания даже одного свидетеля могли решить исход дела³⁸.

Приведенные сведения в очередной раз подтверждают близость значения присяги и показаний свидетелей. Эта близость объясняется также и тем, что свои показания свидетели часто подкрепляли готовностью присягнуть, и самой присягой³⁹. Однако как во второй половине XV в., так и в первой половине XVI в. присяга и показания свидетелей не отождествлялись. Присяга использовалась тогда, когда другие доказательства вообще отсутствовали (например, когда не было свидетелей⁴⁰), были исчерпаны, либо когда обе стороны могли предоставить одинаковые по значению доказательства (например, сослаться на свидетелей⁴¹). Присяга являлась главным доказательством и ставила последнюю точку в тяжбе⁴².

Характер действия результатов присяги проявлялся в том, что она вынуждала *верить* присягнувшему человеку, поскольку эта вера была верой в свидетельство Бога. В одной судебной тяжбе сторона заявляла: «Коли насъ Михаило на присягу не пускаеть, нехай самъ присягнеть на том, если предки: и деды, и отъцы наши, и мы в тои пуци входовъ и бортеи своих не мели, *мы ему веримъ, а на томъ перестанеть*»⁴³. Согласие одной стороны на присягу и дачу показаний свидетелей второй стороны сравнивалось с неволей первой стороны, что отражалось в клишированных репликах: «*Тяжкая наша неволя, нехай присягають*»⁴⁴, «...але *тяжкая*

³³ Лазутка С., Валиконите И., Карпавичене И. Введение // ЛМ-225. Р. XLV–XLVI; РИБ. Т. 20. Стб. 50. № 47. (1510 г.); Стб. 178. № 135. (1514 г.); Стб. 193. № 143. (1514 г.); Стб. 299. № 223. (1516 г.); ЛМ-225. Р. 42. № 31. (1528 г.); Р. 49. № 41. (1528 г.); Р. 103. № 136. (1528 г.); ЛМ-16. С. 131. № 178. (1533 г.); ЛМ-228. С. 124. № 62. (1538 г.); и др.

³⁴ РИБ. Т. 20. Стб. 70. № 58. (1511 г.); Стб. 125. № 96. (1514 г.); Стб. 467. № 350. (1517 г.); Стб. 1565. № 229. (1522 г.); ЛМ-16. С. 28. № 37. (1530 г.); ЛМ-228. С. 117. № 56. (1538 г.); С. 130. № 66. (1538 г.); С. 146–147. № 76. (1538 г.); С. 262. № 147. (1539 г.).

³⁵ Сергеевич В. И. Лекции и исследования... С. 425.

³⁶ РИБ. Т. 20. Стб. 866. № 213. (1516 г.); и др.

³⁷ Лазутка С., Валиконите И., Карпавичене И. Введение. Р. XLII–XLIII.

³⁸ Там же. Р. XLII, XLIX.

³⁹ Это называлось «оправити» свидетельство присягой (РИБ. Т. 20. Стб. 315. № 237. (1516 г.)).

⁴⁰ «И тот сторож рудницкий рекъ: “Я хочу на томъ присягнуги, иж ты мне тое жито завел, або ты присягни, если будешъ не заводил, *бо людеи межси насъ не было*”» (ЛМ-228. С. 113. № 52. (1538 г.); и др.).

⁴¹ В 1540 г. рассматривалось дело между людьми Витебского повета Ваской Мышковым Борисовичем и Степаном Радковым, с одной стороны, и их «стрыечным» братом Иваном Васильевичем Лихим Гостем, с другой, о пяти рублях грошей. Судьи спросили у истцов, имеют ли они какой довод, чем они могут «перевести», что Лихой Гость взял и утаил пять рублей грошей дяди истцов Конона, которые должны были пойти в раздел между истцами и Лихим Гостем. Истцы ответили: «Иньшого доводу никоторого не маемъ, только хочемъ ся душами ведати а хочемъ на томъ присягнуги» (ЛМ-228. С. 281. № 158. (1540 г.)).

⁴² Такой характер присяга имела также, в частности, в польском, чешском и сербском праве (*Borowski S. Przysięga dowodowa...* S. 14).

⁴³ ЛМ-228. С. 258. № 146. (1539 г.).

⁴⁴ ЛМ-228. С. 124. № 62. (1538 г.); и др.

моя неволя: нехай тых светъковъ перед в(а)шею м(и)л(о)стью поставит(ь)»⁴⁵, «Што, деи, они откажутъ (свидетели. — *А. Г.*), *тяжская моя неволя*, я того буду терпети»⁴⁶. Приведенные (и другие⁴⁷) реплики выражали безусловное и покорное согласие одной стороны принять правду той стороны, которая присягала и ставила свидетелей, ведь эта правда была от Бога, она являлась абсолютной и не подлежала апелляции. Божья правда одной стороны являлась божьей «неволей» второй стороны.

Можно с уверенностью утверждать, что формы и сферы проклятия для лже-свидетелей не ограничивались только внешним осуждением и внутренним переживанием виновности и греховности. «Подле обычая земьского» присягали «на муку Божью»⁴⁸. Душа была синонимом жизни⁴⁹. Таким образом, принося присягу, человек делал ставку на жизнь. Санкция в случае ложной присяги звучала лаконично и сурово: «...а естли несправедливе присягаемъ, Боже, *вбий насъ на души и на теле*»⁵⁰ «въ сесь векъ и въ будущий»⁵¹. Поэтому стороны, для которых готовность присягнуть была тактическим приемом ведения тяжбы, а не стремлением засвидетельствовать истинную информацию, с колебанием соглашались на присягу. Во время тяжбы между Юрием Зеновьевичем и Олехной Судимонтовичем, когда судьи отказали в присяге свидетелям Зеновьевича, последний затребовал от свидетелей Олехны «завести» землю и присягнуть. Свидетели попросили судей

⁴⁵ ЛМ-225. Р. 137. № 194. (1535 г.).

⁴⁶ ЛМ-228. С. 183. № 98. (1539 г.).

⁴⁷ «...нехай тыи Фалелеевичи на томъ присягнуть, хочу во всомъ томъ винень быти» (РИБ. Т. 20. Стб. 188. № 143. (1514 г.)); «...але нехай они з братьею своею семь ихъ прысягнуть: я виновать буду» (ЛМ-225. Р. 115. № 159. (1530 г.)); «Хочу на томъ *всего перестати и того терпети*, што они посветъчать» (ЛМ-16. С. 53. № 77. (1531 г.)); «Я ко листу не ганю. Такъ теж и тымъ светъкомъ, што, в(аша) м(илость), вчыните, *с того втертимъ*» (ЛМ-228. С. 130. № 66. (1538 г.)). См. также: ЛМ-225. Р. 140. № 196. (1536 г.). «Кгды они сами с тыми светъками на томъ присягнуть, естли будетъ дед и отецъ ихъ, и они сами з вековъ в тотъ остров входы в дерево боргъное и в земляи пашныи вступъ мели, *мы им и теперъ поступимся*» (ЛМ-228. С. 166. № 86. (1538 г.)). «Кгды, деи, сеничане и осузинъцы, и половляне гораздъ то ведають, естли будетъ дед и отецъ нашъ весполъкъ с ними входу звечьного не мели, нехай сем с нихъ, которыхъ мы оберемъ, на имя... присягнуть. *Мы и тепер с ними в тотъ островъ входу жадного мети не хотимъ*» (ЛМ-228. С. 166. № 86. (1538 г.)); «И рекъ: “Куда, деи, Кисел с тыми шестъма людми, которыхъ есми менилъ, завезудъ и то сознають, иж потуль предковъ мои, плебанове оболецъкие, к плебанеи держали, и на томъ присягнуть, *я хочу того терпети и на томъ перестати*”» (ЛМ-228. С. 300. № 171. (1540 г.)); «Где ж тотъ Мануило и Зеновъ Василю Агрикову и его сыну, и Михальку перед нами присягати поступили: “*Нехай, деи, они куды хотячи завезудъ землю и реку, хотя по самыи избы наши, а мы того имъ поступимъ*. А на томъ нехай присягнуть”» (ЛМ-228. С. 327. № 189. (1539 г.)); «И повелиди Опехътеевичы: “Коли насъ Михайло на присягу не пускаеть, *нехай самъ присягнетъ на том, если предки: и деды, и отъцы наши, и мы в той пуци входовъ и бортеи своих не мели, мы ему веримъ, а на томъ перестанетъ*”» (ЛМ-228. С. 258. № 146. (1539 г.)); и др.

⁴⁸ Так — «подле обычая земьского» — должны были присягнуть каждый князь, пан, вдова и боярин при сдаче бирчим головины, собранной с их людей (РИБ. Т. 20. Стб. 1026. № 307. (1519 г.)). Это указание свидетельствует о том, что практика принесения такой присяги была распространенной, что дает нам основания утверждать, что такую присягу приносили во время судебных тяжб. См. также: РИБ. СПб., 1910. Т. 27: Литовская метрика. Отд. 1. Ч. 1: Книги записей. Т. 1 / Под ред. И. И. Лаппо. Стб. 603. № 87. (1495 г.).

⁴⁹ Отсюда: «без души» — мертвый, не живой, «душу взяти» — лишить жизни, «душу пустити» — умереть, «душу давати» — умирать, «душы избавити» — убить, «душу положити» — умереть и т. д. (ГСБМ. Минск, 1989. Вып. 9 / Склад. А. М. Булька, А. П. Груца, I. I. Крамко; і інш. С. 114–115).

⁵⁰ РИБ. Т. 20. Стб. 1240. № 25. (1518 г.). См. также: Lietuvos Metrika. Knyga Nr 4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4 / Par. L. Anužytė, Vilnius, 2004. P. 107–108. № 57. (ок. 1480 г.).

⁵¹ РИБ. Т. 20. Стб. 1304. № 57. (1519 г.).

не «припирать» к присяге и позволить им «помыслить», обещая, «помысливвши», ответить о принятом решении⁵².

Одной из форм проклятия являлась «поклепная» «немоц» (немошь, недомогание, болезнь⁵³), которая отличалась от «правой»⁵⁴. Очевидно, первоначально проклятие было связано с социальным отчуждением, а именно — полным или частичным ограничением вступать в отношения с сообществом, реализовывать те или иные права, например, заключать «сделки», судебным порядком разрешать конфликты и т. д. (межличностные контакты внутри сообщества являлись одним из проявлений веры, за актами «сделок» стоял Бог, суды были Божьими и т. д.⁵⁵). Это социальное отчуждение имело мало чего общего с практикой отлучения от церкви и «узложеньем» «клятвы» («клятвы») (проклятия) в XVI в., когда эти отлучение и «клятба» могли быть оспорены и отменены великим князем⁵⁶. «Божью муку» великий князь не мог отменить.

Во время рассмотрения дела между Яном Петрашевичем и Яном Юшкевичем в качестве свидетелей выступили лица, не равные по своему социальному и имущественному положению тяжущимся сторонам. Судились паны, а показания по их делу давали крестьяне. С точки зрения сегодняшнего дня эти показания только тогда могли иметь объективный характер, смысл, наконец, адекватный результат, если отношения между свидетелями и сторонами являлись нейтральными. Отношения между крестьянами и панами, а тем более подвластными и владельцами не могли быть таковыми. Люди кривичане свидетельствовали против своего пана — Яна Юшкевича. Опасались ли они расплаты с его стороны? Скорее всего — да. Однако угроза «вразу души» и «напасти», страх перед Богом были сильнее угрозы наказания со стороны пана и страха перед ним.

Следовательно, сакральный характер показаний доминировал над социальным. «Божья правда» стояла выше человеческих интересов. Гнев Бога за лжесвидетельство воспринимался не менее реально, чем возможные репрессии со стороны владельца. Из двух угроз кривичане выбрали последнюю как наименьшую. Судебный приговор по делу между Яном Петрашевичем и Яном Юшкевичем дает возможность наиболее адекватно оценить силу Божьей правды. Кривичане давали показания против своего пана, власть которого над этими людьми была равной власти великого князя над своими подданными⁵⁷.

Власть Бога была сильнее власти пана. Последний, по крайней мере, мог покалечить и убить человека, но не мог, в отличие от Бога, забрать его душу. А она в случае ложного свидетельства была осуждена на вечные муки (опасность этих мук

⁵² LM-25. Р. 269. № 215. См. также: LM-16. С. 201. № 279. (1533 г.).

⁵³ ГСБМ. Минск, 2001. Вып. 20 / Склад. А. М. Булыка, Р. С. Гамзовіч, А. П. Груца; і інш. С. 154.

⁵⁴ LM-6. Р. 350. № 613. (1499 г.).

⁵⁵ Груша А. Credo quia veru... С. 10–11.

⁵⁶ Например: РИБ. Т. 20. Стб. 713–714. № 124. (1511 г.); LM-14. Р. 170. № 378. (1524 г.); Р. 227. № 560. (1525 г.).

⁵⁷ Груша А. І. «И привилем своим потвердил»: У вытокаў пісьмовай культуры Вялікага княства Літоўскага // Памяць стагоддзяў на карце Айчыны: Зборнік навуковых прац у гонар 70-годдзя Міхаіла Федаравіча Спірыдонава. Мінск, 2007. С. 210–226.

особенно остро должна была ощущаться незадолго до 7000 г. от сотворения мира, когда православное население ожидало конца света и Страшного суда)⁵⁸.

Присяга как средство решения практических задач определяла способ жизни человека. Согласно Статуту 1529 г., к данной процедуре (в частности, в тяжбах о земельном имуществе) допускали тех, кто ежегодно исповедался перед священником и причащался⁵⁹. Присяга произносилась на третий день после принятого решения, и делалось это «водлуг обычая»⁶⁰. Очевидно, присяге предшествовал пост⁶¹, а также исповедь в церкви. Человек мог вступить в контакт с Богом только с чистой душой.

Указанные факты вскрывают не только общий контекст, в котором функционировало устное слово, но содержат и конкретные сведения, проливающие свет на проблему, почему первоначально потребность в документах была небольшой. Выше уже отмечалось, что объектами тяжбы между панам Яном Петрашевичем и Яном Юшкевичем фактически были состав и границы владений. Канцелярия великого князя относительно редко выдавала привилеи на земельные владения с указанием границ этих владений. Только с начала княжения Сигизмунда I Старого была введена практика (сначала, очевидно, нерегулярная) выдачи «увяжчих» (вводных) листов, содержащих информацию о составе пожалованного имения и его границах. Эти листы выдавали представители центральных и местных органов управления, которым было специально поручено ввести получателя во владение. Такой порядок не был «недоработкой» властей. Ни привилеи с указанными границами владений, ни «увяжчие» листы не являлись востребованными в полной мере. *Их заменяли свидетельства людей, а также присяга.* Люди свидетельствовали «Божью правду», поэтому им верили.

⁵⁸ О власти панов и местных властей над подданными может свидетельствовать один документ. В 1511 г. каменецкий наместник князь Семен Александрович Чарторыйский и великокняжеский писарь Копоть Васильевич жаловались на маршалка и дорогичского старосту пана Яна Литавора Хребтовича, что последний, когда держал от великого князя Александра Слоним, выпросил у него пустую землю Косовщину, к которой держит земли Чарторыйского и Коптя — белавичские и гошовские. Хребтович, защищая свое право на земли, представил лист великого князя Александра, а также лист Федьки Гавриловича с границами пожалованных владений, установленными Федькой на «поведанье» людей белавичан и гошовцев. Относительно границ, зафиксированных в листе, истцы заявили так: «...коли деи пану Литавару тую землю ограничиваль пань Федько, тогда былъ пань Литаварь державьюцою Слонимьскимъ, а тыи деи люди нашы, Белавичане и Гошовьцы, на оныи чась подь егожь поветомъ были; и естли бы пана Литаварова воля была, и казалъ бы имь, и они бы и дворы свои ему отвели...» (РИБ. Т. 20. Стб. 696. № 113).

⁵⁹ Pirmasis Lietuvos Statutas. Раздел 8, арт. 5. P. 222; *Lazutka S., Valikonytė I., Gudavičius E.* Pirmasis Lietuvos Statutas (1529 m.). Vilnius, 2004. P. 399.

⁶⁰ РИБ. Т. 20. Стб. 299. № 223. (1516 г.); Стб. 1213. № 9. (1518 г.); Стб. 1276. № 47. (1519 г.); Стб. 1298. № 55. (1518/1519 г.); Стб. 1389. № 110. (1519 г.); и др. Отступление от этого правила в пользу увеличения количества дней между сроком назначения присяги и ее исполнением могло быть связано с тем, что один из этих дней приходился на праздник. Этот случай мог специально оговариваться в документах: «и рокъ присязе положили: четвертыи день, середу, назавтреи Благовещенья светое Богородицы — бо мели есмо присязу положити: третии день, ольторокъ, але иж в тотъ день было свято Благовещенье» (ЛМ-228. С. 193–194. № 105. (1539 г.)); «И рокъ есмо тои присязе положили: четвертыи день, середу, назавьтреи Крещенья» (ЛМ-228. С. 281. № 158. (1540 г.)).

⁶¹ Одна судебная сторона не была допущена (викарием и мистром) к присяге, поскольку пришла в костел «по полудни» (присяга, очевидно, приносилась до полудня), а также «едши и пивши» (РИБ. Т. 20. Стб. 1358. № 91. (1519 г.)).

Если говорить о степени доверия к устному слову, то наиболее показательным является «судебный» лист по тяжбе между Юрием Зеновьевичем и Олехной Судимонтовичем. Судьи нашли целесообразным дать слово свидетелям (из крестьян) в тяжбе, относящейся к принадлежности не части, а целого владения; в качестве судебных сторон выступали не просто шляхтичи, а *паны* далеко не последнего разряда.

Обращает на себя внимание тот факт, что судебные стороны не ссылались на документы: в тексте источника ничего не сообщается о предоставлении ими тех или иных листов. Очевидно, ни у Юрия Зеновьевича, ни у Олехны Судимонтовича не было жалованных листов, и не потому, что великий князь не поставил на надлежащий уровень дело письменной фиксации своих решений или допустил «промаху» в случае с упомянутыми панами, или последние не проявили надлежащих забот, чтобы получить у великого князя листы на владения. Отсутствие этих листов объясняется тем, что у великого князя не существовало достаточных оснований непременно скреплять листом каждое свое пожалование, а у получателей не было достаточных оснований каждый раз просить у великого князя лист на пожалованное владение — в спорных случаях право владельца на пожалование могло быть подтверждено показаниями свидетелей и присягой.

В 1486 г. факт передачи отчины при помощи листа, имевший место в середине XV в., вызвал у судей подозрение, имевшее под собой весомые основания: ведь «... то речь есть давняя, а передь тымъ люди одинъ другому таикии записы незвычайные [не] даивали, а то было межи людьми держано, а себе в томъ верили»⁶². И действительно, зачем надо было оформлять передачу земли при помощи листа, если факт сделки могли подтвердить свидетели, слово которых заслуживало доверия, т. е. их свидетельство могло предупредить суд?

Прямые сведения источников подтверждают давность обычая использовать присягу в земельных тяжбах. По поводу одного судебного дела господарь заявлял: «Мы, вбачачи права, котории ж ся въ Великом кн(я)зьстве деют, почонши за великого кн(я)зя Витовта, и за Жикгимонта, и за отца, и за брата нашего королевскихъ м(и)л(о)сти, што ж земля николи не мает быти отсужона никому без присяги...»⁶³ Правление великого князя Витовта — время, от которого в XVI в. выводили существование тех или иных традиций, возникших задолго до этого великого князя. В этом плане использование присяги как доказательства прав на земельные владения не является исключением.

Признаки появления недоверия к устному слову и сакральным процедурам отчетливо проявляли себе уже тогда, когда еще можно было свидетельствовать «Божью правду». Начнем с того, что для одной из судебных сторон — Яна Юшкевича — правда крестьян не являлась «Божьей», поскольку в обратном случае спор можно было решить до суда: путем опроса «Божьей правды», т. е. так, как это делали судьи. Такой опрос не делался, а если и делался, то его результаты не убедили Яна Юшкевича. Таким образом, «Божья правда» являлась таковой только для крестьян: судьи обращались с требованием «сознать» «Божью правду» к крестьянам,

⁶² Груша А. И. «И привильем своим потвердил»... С. 234–236.

⁶³ AGAD. Dokumenty pergaminowy (DP). Sygn. 7459 (1514).

а не к судебным сторонам, не надеясь от них услышать эту правду. Подчеркнем этот — социальный — аспект Божьей правды: некогда общая ценность, правовая, моральная и религиозная, свидетельствовать Божью правду теперь уже не объединяла Яна Юшкевича, Олехну Судимонтовича, с одной стороны, и их подданных, с другой. Олехно не придавал значения этой ценности, вынуждая подданных лжесвидетельствовать и, следовательно, брать грех на душу. Вероятнее всего, и судьи рассматривали показания крестьян не более как просто объективную информацию, а не как Божью правду. Более того, судьи чувствовали определенное недоверие к крестьянам, если «про лепшую справедливость» провели опрос трех их групп (бобровников; 30 человек местных жителей, которые имели земли и входы вдоль реки; кривичан).

Как следует из приговора суда по делу Юрия Зеновьевича и Олехны Судимонтовича (который является близким по времени вердикту, вынесенному по делу между Яном Петрашевичем и Яном Юшкевичем), не все крестьяне предъявляли к своим показаниям требование объективности, а тем более рассматривали их как «Божью правду». Во время этой тяжбы свидетели, вопреки призыву судей сообщить правду, «такъ какъ ся Б(о)га боячи» — дали ложную информацию. Над ними был «волен» пан Олехно, а не Бог. Свидетели оказались в таком положении, когда их показания против Олехны представляли для них большую угрозу, чем наказание Бога. Следовательно, в данном случае побудительным мотивом свидетелей была уже не вера, а опасение и страх перед сильным человеком. Таким образом, в реальной жизни куда более значительной стала власть пана, а не Бога. Правда утратила сакральный характер. Поэтому для подданных Олехны лжесвидетельство (не под присягой) являлось, очевидно, «простительным» грехом.

Для того, чтобы получить более полное представление о развитии недоверия к устному слову и сакральным процедурам, рассмотрим некоторые стороны функционирования и эволюции институтов свидетелей и присяги в судебной сфере ВКЛ во второй половине XV – первых четырех десятилетиях XVI в.

Показания свидетелей и сложение присяги в судебных тяжбах употреблялись тогда, когда тот или иной акт по *естественным причинам* нельзя было зафиксировать письменно или когда его при помощи документов *можно* было вообще не фиксировать. К первым актам относятся правонарушения: убийство, избиение, разбой, кража и грабеж, оскорбление, святотатство и т. д. Ко вторым — отчуждение движимого имущества, одалживание денег, подтверждение принадлежности к тому или иному сословию, право владения недвижимым имуществом (землей, бортным деревом, сеножатями, лядами, нивами, бобровыми гонами, звериными ловами и т. д.)⁶⁴.

Во время тяжбы между виленским паном, берестейским старостой князем Александром Юрьевичем, и маршалком, охмистром королевы паном Войтехом Яновичем, об отбивании замков в коморе подворья Александра на Виленском

⁶⁴ BCzart. Perg. 1275. (1461 или 1476 г.); РИБ. № 30. Т. 27. Стб. 541. (1494 г.); Стб. 622–623. № 101. (1495 г.); Стб. 675. № 154. (1497 г.); Стб. 854. № 258. (1503 г.); LM-6. P. 223. № 343. (1499 г.); P. 306. № 520. (1503 г.). См. также: LM-6. P. 100. № 81. (1503 г.); РИБ. Т. 20. № 108. Стб. 142. (1514 г.); Стб. 991. № 284. (1517 г.); Стб. 998. № 289. (1517 г.); Стб. 1147. № 421. (1517 г.); LM-11. P. 135–136. № 141. (1522 г.); LM-14. P. 388. № 898. (1527 г.); LM-224. P. 69. № 41. (1522 г.); P. 70. № 44. (1523 г.); LM-16. С. 44. № 64. (1531 г.); С. 54. № 78. (1531 г.); С. 56. № 82. (1531 г.); С. 92–93. № 121. (1532 г.); LM-228. С. 166. № 86. (1538 г.); С. 206. № 111. (1538 г.); С. 251–253. № 144. (1539 г.); С. 257–259. № 146. (1539 г.); С. 266–268. № 150. (1539 г.); С. 327. № 189. (1539 г.); С. 335–336. № 195. (1537 г.); и др.

замке и краже имущества, Войтех предложил Александру подтвердить обвинения присягой. По этому поводу великий князь отметил: «Ино мы, того досмотревъши съ паны радами нашими, то ся намъ видело, штожь зъ вековъ въ панъстве нашомъ право есть таковое: какъ богатому, такъ убогому таковая речъ завжды маеть *плачона быти подь присягою...*»⁶⁵

В качестве судебных сторон, которые вели тяжбу о недвижимом имуществе при помощи свидетелей и присяги, со второго десятилетия XVI в. выступают в основном крестьяне, а не шляхта, поскольку с этого времени главным доводом шляхты в тяжбах о земельном имуществе, как правило, являлись документы. Показания свидетелей и присяга часто имели «надсоциальный» характер. Крестьяне и их свидетели могли свидетельствовать и присягать против шляхты, и наоборот. Таким образом, когда мы говорим об актах, которые можно было бы не фиксировать письменно, то мы имеем в виду те из них, в подтверждении которых показания свидетелей и присяга еще не утратили своего значения. Предоставление свидетелей и присяга в тяжбах, в которых участвовали крестьяне, рассматривались как «довод слушный» и ставились в один ряд с листами⁶⁶.

В функционировании института свидетелей недоверие к устному слову проявлялось особенно отчетливо. Показания свидетелей утратили сакральную сущность. Судьи уже не обращались к свидетелям с требованием сообщить Божью правду под страхом «вразу» души и «напасти», обоснованно полагая, что призыв к Богу в данном случае является «неактуальным» и напрасным. Для того, чтобы добиться объективности показаний свидетелей, процедура подготовки к даче этих показаний стала регулироваться.

Очевидно, первоначально существовало более-менее всеобщее равенство в отношении к праву допуска свободного населения давать показания (за исключением, очевидно, тех, кто, например, не был лишен этого права в силу каких-либо проступков и преступлений)⁶⁷. Во всяком случае, в тексте судебного листа по тяжбе между Яном Петрашевичем и Яном Юшкевичем никак не отражена процедура выбора свидетелей: как следует из этого листа, показания давали *все* бобровники, *все* местные жители, *все* кривичане. Ничего неизвестно о выборе свидетелей и из судебного дела Юрия Зеновьевича и Олехны Судимонтовича. Таким образом, выбор свидетелей одной стороной из числа предложенных второй стороной кандидатов

⁶⁵ РИБ. Т. 20. Стб. 599. № 55. (1509 г.).

⁶⁶ «И тыи люди илемницкьи выводили ся инъшими людми добрыми, которыи того сведоми, иж они при томъ были и тое видели, якъ Волошанинъ тую осмь копь грошей Мошару за земьлю ег(о) заплатилъ. *И мы тых людеи водлугъ слушьного ихъ выводу в томъ сведецтве правыхъ нашли*» (ЛМ-228. С. 128. № 64. (1538 г.)). «И мы спытали Хролька: “*Чи маешъ ты на то люди, довод слушьныи, перед кимъ онъ тотъ лукъ и мечъ в тебе бралъ? И онъ доводу жадного не поведиль на то*”» (ЛМ-228. С. 210. № 114. (1539 г.)). «Потомъ спытали есмо Михаила, маеть ли теж онъ которыи довод слушьныи... И онъ поставилъ перед нами свои светъки...» (ЛМ-228. С. 267. № 150. (1539 г.)). Таким этот довод считал и Статут 1529 г.: «И мы казали Статутъ отъворити. Ино в Статуте пишеть: “*Иж кождыи, держачыи за правомъ своимъ приржонымъ або набытымъ або за давностью земьскою, ближшыи будет держанья своего слушьнымъ доводомъ доводити, то есть людми добрыми шляхътичи або листы, або иными людми годнеишыи, близкими суседы, и чии светъки будут годнеишыи, тыи мають светъчыи без присяги ихъ телесное, подле давного обычая земьского, за которых сознаеть сторона доводова, речъ свою мають одержати...*”» (ЛМ-228. С. 105. № 46. (1537 г.)).

⁶⁷ К даче судебных показаний в XVI в. не допускались «подозренные» (некогда разоблаченные в воровстве) люди (ЛМ-225. Р. 148. № 202. (1536 г.)).

являлся относительно новой практикой. Это, впрочем, не говорит о том, что данные изменения в процедуре назначения присяги произошли во второй половине XV в. Они могли появиться намного ранее (возможно, еще в XIV в.). В данном случае речь идет о том, что тяжба между Яном Петрашевичем и Яном Юшкевичем отражает более старую практику.

Состав свидетелей стал ограничиваться. Из числа предложенных одной стороной свидетелей, точнее, кандидатур свидетелей, противная сторона избирала конкретных лиц. Именно последних судьи и признавали в качестве свидетелей⁶⁸. Одна сторона могла и не «полюбить», т. е. отклонить предложенных второй стороной свидетелей; в этом случае вторая сторона предлагала других свидетелей⁶⁹. Особое доверие к некоторым было равнозначно недоверию к остальным. Доверять стали больше шляхте, чем «простым хлопам»⁷⁰, которые, в частности, могли не допускаться к даче показаний «въ речи злодейской або въ розбои»⁷¹. В формировании указанной прослойки и, соответственно, противоположной (которая не заслуживала доверия) устное свидетельство сыграло немаловажную роль. Недоверие к устному слову выделило прослойку «годных», «добрых» людей⁷², «годнейших» свидетелей⁷³. Большое значение стало иметь количество свидетелей⁷⁴.

Во время тяжбы между Яном Петрашевичем с Яном Юшкевичем судьи нашли целесообразным обратиться за Божьей правдой к *личным подданным* судебной стороны (людям из с. Кривичи, принадлежавшего Яну Юшкевичу). Теперь же существовало убеждение, что люди, в той или иной степени зависимые от судебной стороны, не могут быть объективными⁷⁵; в качестве свидетелей не допускались так-

⁶⁸ Лазутка С., Валиконите И., Карпавичене И. Введение. Р. XLIII; LM-6. Р. 127. № 151. (1496 г.); РИБ. Т. 20. Стб. 43–44. № 42. (1510 г.); Стб. 235. № 176. (1515 г.); Стб. 433. № 326. (1517 г.); Стб. 463. № 347. (1517 г.); Стб. 126. № 36. (1518 г.); Стб. 1331. № 72. (1519 г.); Стб. 1443. № 135. (1520 г.); LM-225. С. 25. № 5. (1528 г.); Р. 32. № 15. (1528 г.); Р. 45. № 35. (1528 г.); Р. 89. № 112. (1529 г.); Р. 101. № 131. (1528 г.); Р. 108. № 146. (1530 г.); ЛМ-16. С. 8. № 6. (1530 г.); С. 26. № 35. (1530 г.); С. 60. № 88. (1531 г.); С. 104. № 137. (1532 г.); С. 215. № 301. (1533 г.); ЛМ-228. С. 72. № 14. (1533 г.); С. 120. № 59. (1538 г.); и др. — Это называлось, в частности, «злюбити», «послати ся» на тех или иных свидетелей, или «любить», «полюбить» тех или иных свидетелей.

⁶⁹ РИБ. Т. 20. Стб. 866. № 213. (1516 г.); LM-225. Р. 61. № 59. (1528 г.); ЛМ-228. С. 153. № 81. (1538 г.); С. 231. № 129. (1539 г.); и др.

⁷⁰ ЛМ-225. Р. 137–138. № 194. (1535 г.).

⁷¹ РИБ. Т. 20. Стб. 1512. № 189. (1521 г.).

⁷² «Она (одна сторона. — А. Г.) поведила, што ж “Муж ее небожчикъ напротивку тых селищъ, покуль бы их завель, на тот час водлугъ змовы, которую со мною вчынилъ был, ачь-кольвекъ без бытности моее онъ тое поле завель дочке моеи”. Пытали ее (судьи. — А. Г.): “Кому бы то было сведомо?”. Она меновала: “Были в тотъ часъ мужики два сестры моее, а третии наинмитъ”. Которыи же светокъ Миколаевая (вторая сторона. — А. Г.) годными мети не хотела...» (ЛМ-228. С. 118. № 57. (1538 г.)).

⁷³ РИБ. Т. 20. Стб. 1071. № 351. (1522 г.); ЛМ-16. С. 154. № 209. (1533 г.).

⁷⁴ ЛМ-6. Р. 270–271. № 456. (1501 г.). Судебные стороны могли выставить по земельным тяжбам, например, 50, 80, 100, 171, 228 свидетелей (ЛМ-6. Р. 336. № 569. (1475 г.); РИБ. Т. 27. Стб. 603. № 87. (1495 г.); Стб. 605. № 88. (1495 г.); ЛМ-224. Р. 316–317. № 381. (1529 г.)).

⁷⁵ Одна сторона заявляла: «Тые светъки суть люди простые, нешляхта, а все его (второй судебной стороны. — А. Г.) рука: одинъ человекъ дядка его, другой — зятя, а третий церковных ихъ же подаванья всихъ, а такъ будутъ по немъ светъчыги, и для того заочъне на них слати ся не хочу...» Эта судебная сторона приняла предложенных свидетелей, предупредив: «Схотят ли они (свидетели. — А. Г.) ме несправедливе посветъчыги, тогда я с ними буду о несправедливое сведецство, не сходячы с права, говорыги» (ЛМ-225. Р. 137. № 194. (1535 г.)). См. также: РИБ. Т. 20. Стб. 403. № 301. (1516 г.).

же приятели⁷⁶, подданные родственников судебных сторон⁷⁷. Источники позволяют выяснить, как отражалось разрушение межличностных контактов на отношениях доверия в практике выдвижения свидетелей. Тяжущаяся сторона могла не принять предложенных свидетелей на том основании, «иж я тыхъ ни знаю...», предлагая со своей стороны: «нехай дасть светъки суседы обапольныи»⁷⁸.

Институт присяги в первой половине XVI в. (и позже), в отличие от института свидетелей, сохранял сакральный характер. Благодаря этому присяга являлась исключительным доводом. Во время тяжбы стороны могли подтвердить свои права показаниями свидетелей. Но тяжба часто заканчивалась примирением и «переданьем» по инициативе той стороны, которая высказывала готовность произнести присягу или соглашалась на присягу второй стороны («на присягу ся взял») ⁷⁹, если эта сторона являлась неискренней или не была уверена в достоверности своих показаний. Из-за сакрального статуса присяги судьи старались не злоупотреблять ею (присяга была окончательным доводом). Очевидно, так надо понимать тот факт, что судьи не допускали судебную сторону к присяге, не выслушав свидетелей⁸⁰.

Однако, несмотря на это, отношения недоверия затронули и ее. Судьи часто сомневались в ответственности, бравшейся на себя стороной, которая «торгнулась» к этой процедуре. Так, судьи рассматривали тяжбу между мещанином г. Витебск Отрошкой, его сыном Яковом и внучкой Хоней, с одной стороны, и человеком Витебского повета Мартином Чернцово Отрошковым, с другой, о четырех рублях широких грошей. Судьи спросили истцовую сторону: «Кому то сведомо? перед кимъ тыи пенези ему даны? дайте на то довод». Истцы не представили никакого довода. И хотя сторона высказала желание присягнуть, судьи отказали ей в этом потому, что «то есть (четыре рубля грошей. — А. Г.) речь немалая, а таковые речи хто што кому дасть, тогды перед людми добрыми явне чинить...»⁸¹

Предложение истца о присяге ответчика могло быть отклонено судьями, если истец не имел убедительных доказательств правонарушения ответчика⁸². Что в данных случаях мешало судьям позволить судебным сторонам осуществить данный сакральный акт? Не стремление ли судей не допустить ложное свидетельство

⁷⁶ «И Яков рекъ: “Я на то людеи не маю, бо вси люди были ихъ *приятели*...”» (ЛМ-228. С. 63. № 6. (1533 г.). Ответчик утверждал: «Але, дали Богъ, хочю ся вывести людми добрыми, с которыми еси седель, иж еси его не биль». Слова истца: «Милостивыи пане воеводу и панове бояре. Было при томъ людеи добрыхъ досить, кгда онъ мене биль, *ино его приятели*...» Этот момент был учтен судьями (ЛМ-228. С. 192. № 105. (1539 г.)).

⁷⁷ «Ино мы тыхъ чотырох чоловековъ отъставили прочь для того, иж небожчикъ князь Сеньский Михаилу Курейшову (одна из сторон. — А. Г.) биль *братъ*» (ЛМ-228. С. 267. № 150. (1539 г.)).

⁷⁸ ЛМ-225. Р. 148. № 202. (1536 г.).

⁷⁹ РИБ. Т. 20. Стб. 1419. № 121. (1520 г.); ЛМ-228. С. 64. № 6. (1533 г.); С. 259. № 146. (1539 г.); С. 268. № 150. (1539 г.); С. 327. № 189. (1539 г.); С. 336. № 195. (1537 г.).

⁸⁰ См. тяжбу между Юрием Зеновьевичем и Олехной Судимонтовичем. «И намъ ся видело, иж ся ей через светки прыся[га]ти не годить» (РИБ. Т. 20. Стб. 707. № 120. (относительно права Волынской земли, 1511 г.); ЛМ-225. Р. 107. № 144. (1530 г.). См. также: ЛМ-225. Р. 116. № 161. (1531 г.); ЛМ-228. С. 278. № 156. (1539 г.). См.: *Лазутка С., Валиконите И., Карпавичене И.* Введение. Р. XLVI.

⁸¹ ЛМ-228. С. 121. № 60. (1538 г.).

⁸² *Лазутка С., Валиконите И., Карпавичене И.* Введение. Р. XLVII; ЛМ-225. Р. 69. № 77. (1529 г.). — Судья: «И намъ тая ся присяга не видела, же бы они мели присягати, иж на них жадного онъ доводу не вчынили» (ЛМ-228. С. 212. № 116. (1539 г.). См. также: ЛМ-224. Р. 314. № 377. (1529 г.).

со стороны тех лиц, для которых присяга не отождествлялась с ответственностью перед Богом, а являлась «легким способом» получить все фактически ни за что?

Для судебных сторон чувство страха перед Божьим наказанием стало более слабым, чем стремление любым способом доказать свою правду, чувство глубокой антипатии друг к другу. Одна сторона так обосновывала свое право не «пускать» к присяге вторую: «Я ихъ на присягу не пускаю, бо они, *злуючы на мене*, не только на пяти рублевъ присягнули бѣ, але и на пяти грошохъ бы присягу вчынили»⁸³.

Для некоторых лиц судебная присяга превратилась в тактический прием ведения тяжбы. Тяжущаяся сторона могла объявить о готовности присягнуть (в надежде, например, что вторая сторона признает необоснованность своих претензий), но затем отказаться от принесения присяги⁸⁴. Имели место и такие случаи. Во время одной тяжбы было договорено, что свидетели ответчика должны были «присягнувши посветчити»; если же они отказались бы присягнуть, то присягу должны были принести истцы. Когда наступил срок присяги, свидетели ответчика уклонились от дачи показаний под присягой. В свою очередь, истцы не допустили указанных свидетелей к показаниям без присяги, но и сами отказались присягнуть⁸⁵. Одна сторона могла не пустить на присягу вторую на том основании, что «...рад ся порываает ку присязе»⁸⁶, т. е. имеет склонность высказывать готовность присягнуть без весомой причины.

Право на присягу стала получать та сторона, которая представляла «годнейших», «лепших», «слушнейших» свидетелей⁸⁷. Стали немаловажными такие аспекты присяги, как социальная принадлежность лиц, которые «взяли ся» присягнуть, их количество⁸⁸. Например, именно это учитывал судья Матей Войтехович Яновича, рассматривавший тяжбу между боярином Витебской земли паном Михайлом Михайловичем Курейшовым и людьми с. Вымно Витебского повета Селиловичами, Головенчичами о землях, лядах, бортном дереве и сеножатях за р. Черница. Он допустил к присяге свидетелей Курейшова на том основании, что они были «лепшыи и годнеишыи», среди них была шляхта, и их было больше⁸⁹.

По аналогии с устным свидетельством можно полагать, что первоначально к присяге допускалось все свободное население (за исключением, очевидно, опять же тех, кто, например, был лишен этого права в силу каких-либо проступков и преступлений). Теперь, чтобы добиться правдивой присяги, процедура подготовки к ней (как и процедура подготовки к свидетельству) стала регулироваться. Из числа кандидатур для принесения присяги, которых представляла одна сторона, противная

⁸³ ЛМ-228. С. 281. № 158. (1540 г.).

⁸⁴ ЛМ-16. С. 66–67. № 95. (1532 г.); С. 67–68. № 96. (1532 г.).

⁸⁵ ЛМ-6. Р. 231. № 360. (1501 г.). См. также начало тяжбы: РИБ. Т. 27. Стб. 696–697. № 172. [1498].

⁸⁶ ЛМ-228. С. 236. № 134. (1539 г.).

⁸⁷ ЛМ-6. Р. 206. № 315. (1499 г.); РИБ. Т. 20. Стб. 934–935. № 248. (1517 г.). См. также: Стб. 968. № 271. (1517 г.); ЛМ-11. Р. 129. № 131. (1522 г.); ЛМ-16. С. 235. № 325. (1534 г.).

⁸⁸ ЛМ-224. Р. 316–317. № 381. (1529 г.).

⁸⁹ «А такъ, мы тое вырозумевшы и с паны бояры земли Витебское, которые на тотъ часъ при насъ были, обьмовившы, знашьли есмо ку доводу и присязе Михаила Курейшова ближшого, иж онъ и границу, реку Черницу, вказаль, и светъки лепшыи и годнеишыи, и болшеи, нижли тые Селиловичы и Головенчичичы, поставиль, шляхътичьомъ и ингышыхъ людеи обапольныхъ: суседовъ, сумежниковъ, людеи добрыхъ» (ЛМ-228. С. 268. № 150. (1539 г.)).

сторона избирала фактических присяжников⁹⁰. Источники прямо говорят о праве одной стороны избирать для присяги кого она захочет⁹¹.

Очевидно, первоначально все, что так или иначе было связано с духовным статусом, пользовалось большим доверием. В 1540 г. рассматривалась тяжба между витебским мещанином Гридкой Скорубиным и вдовой священника церкви Св. Николы Есковой Галкой о невозвращении долга двух рублей широких грошей. По утверждению Гридки, никольский священник Еско одолжил у него два рубля широких грошей и обещал взамен их дать свой двор и челядина. Священник умер, не заплатив денег и не дав ни двора, ни челядина. Когда судьи спросили у Гридки, имеет ли он «вызнаныи» лист и перед кем Еско брал в долг деньги, Гридко не представил ни листа, ни свидетелей, заявив: «*Верил, деи, есми по свеценьству*»⁹². Можно допустить, что если бы не смерть, то священник не отказался бы от своего долга⁹³.

Так или иначе, доверие к духовным лицам являлось не абсолютным: в тех или иных случаях принятие присяги требовалось и от духовенства⁹⁴, в том числе даже от епископов (в данном случае католических)⁹⁵.

Статут 1529 г. ограничил круг лиц, имевших право допуска к принесению присяги. Согласно ему, к выполнению этой процедуры допускались люди «добрые»⁹⁶, а среди равных по этому качеству, «...чие светки годнейшие будуть...»⁹⁷. Статут не настаивал, что к числу «годнейших» стоит относить только шляхту⁹⁸. Но из числа тех, кто мог быть допущен к присяге в тяжбах о земле, он исключал не только лиц, которые ежегодно не исповедовались перед священником и не причащались, но также тех, кто имел плохую репутацию у соседей⁹⁹, «подозренных»¹⁰⁰, разоблаченных в воровстве и «фальшивстве»¹⁰¹.

⁹⁰ РИБ. Т. 27. Стб. 603. № 87. (1495 г.); Стб. 605–606. № 88. (1495 г.); Стб. 728. № 194. (1499 г.); РИБ. Т. 20. Стб. 277. № 207. (1516 г.); Стб. 935. № 248. (1517 г.). См. также: Стб. 968. № 271. (1517 г.); Стб. 998. № 289. (1517 г.); Стб. 1053. № 336. (1522 г.); Стб. 1447. № 136. (1520 г.); LM-224. Р. 46. № 8. (1522 г.); LM-11. Р. 115. № 109. (1522 г.); ЛМ-16. С. 90. № 120. (1532 г.); С. 92. № 121. (1532 г.); С. 100–101. № 132. (1532 г.); С. 226. № 312. (1533 г.); ЛМ-228. С. 166. № 86. (1538 г.); С. 206. № 111. (1538 г.); С. 268. № 150. (1539 г.); С. 335–336. № 195. (1537 г.); и др.

⁹¹ РИБ. Т. 27. Стб. 605. № 88. (1495 г.); РИБ. Т. 20. Стб. 346. № 260. (1516 г.).

⁹² ЛМ-228. С. 288. № 162. (1540 г.).

⁹³ Духовным лицам приписывались особо высокие моральные качества. Виленский воевода, канцлер Ольбрехт Мартинович Гаштольд, жаловался на жомойтского бискупа о наезде его на имение Тыкотин. Великий князь писал к бискупу: «Яко жь частокроть от многих подданных наших на тебе жалобы приходять, ижь ты сам, наежчаючи на именья их, ижь тво(я) м(и)л(о)ст, будучы [...] духовная парсона, а наежчаючи на именья, таковыя кривды и грабежи чинишь, где бы тво(я) м(и)л(о)ст мел инъших от того отводити, туть самъ то починаешь кривды не вымовныи имъ чинишь, чому жь ся мы велико дивуемъ...» (LM-14. Р. 348. № 830. (1526 г.).

⁹⁴ РИБ. Т. 27. Стб. 864–865. № 261. (1503 г.); РИБ. Т. 20. Стб. 606. № 60. (1509 г.); LM-224. Р. 259. № 306. (1528 г.); LM-225. Р. 34. № 18. (1528 г.); Р. 127. № 180. (1533 г.).

⁹⁵ LM-224. Р. 296. № 354. (1529 г.).

⁹⁶ Pirnasis Lietuvos Statutas. Раздел 8, ст. 4. Р. 220.

⁹⁷ Ibid. Раздел 8, ст. 4. Р. 220.

⁹⁸ «А веджо не таковыя мают ся розумети светки, штобы была шляхта, але тые светки шляхта и люди добрые, неподозренные, которые будуть суседи близкие и сумежники, тые годнейшие будуть ку сведецству, нижли тые шляхта, которые не граничники и не сумежники» (Ibid. Раздел 8, ст. 4. Р. 220–222).

⁹⁹ Ibid. Раздел 8, ст. 5. Р. 222.

¹⁰⁰ Ibid. Раздел 8, ст. 4. Р. 220.

¹⁰¹ Ibid. Раздел 8, ст. 5. Р. 222.

Даже приведенных — косвенных — данных (без прямых сведений полемически заостренного публицистического произведения Михалона Литвина¹⁰²) достаточно, чтобы быть уверенными: факты лжесвидетельства стали довольно частым явлением.

Процедура подготовки к показаниям свидетелей и присяге стала обставляться условиями, свидетельствующими об утрате этими институтами характера универсального средства доказательства прав и отклонения обвинения. На основе приведенных фактов можно сделать вывод о возникновении определенного кризиса доверия к устному слову и сакральным процедурам.

Статут узаконил свидетелей и присягу как способ доказательства правды и отклонения обвинения. В таком качестве присяга часто фигурирует в седьмом разделе «О насилиях земских и об избияниях, и о головщинах шляхетских», и в тринадцатом разделе «О воровстве». Довольно часто в указанных качествах она встречается и в восьмом разделе «О правах земляных, о границах и о межах, о копах». Согласно одной из статей восьмого раздела, показания свидетелей допускались в тяжбах о земельных владениях¹⁰³.

Для того, чтобы выяснить значение показаний свидетелей и присяги, важно учитывать социальную принадлежность судебных сторон. Использование показаний свидетелей и присяги в тяжбах о земельном имуществе с участием крестьян известны, например, в 1530-х гг. Но если говорить о тяжбах, в которых в качестве судебных сторон выступала шляхта, то в них уже в последней трети XV в. решающее значение стали приобретать документы. В источниках, относящихся к 20–30-м гг. XVI в., акцентируется внимание, что присяга и показания свидетелей, как способы доказательства в тяжбах о земельных владениях, являются «давним» обычаем. В 1538 г. витебский воевода Матей Войтехович Яновича рассматривал тяжбу между путными людьми Озерицкой волости Витебской земли и «данным» человеком (данником) той же волости о земле.

Главным доказательством в этой тяжбе послужила присяга. В судебном листе судья подчеркнул, что истцы «на томъ присягнули, и шапки на той земъли водле *обычая своего стародавнього музского* (от слова «муж» = волощанин. — А. Г.) поставили, иж то земля ихъ власная отъчызна...». Что «обычаем стародавним музским» называется в данном случае не только процедура приставления шапки, но и присяга, свидетельствует использование приведенного определения отдельно для присяги в той части листа, где дается обоснование вынесенного приговора суда: «...а они водле *обычая своего на томъ присягнули*, иж то ихъ земля власная и тыхъ натесовъ новыхъ не натесывали...»¹⁰⁴ Согласно Статуту 1529 г., право на земельное владение разрешалось доказывать свидетелями — «подле давного звычайо земского»¹⁰⁵. Давность обычая сохраняла его легитимность в земельных тяжбах, но практика делала этот обычай в указанных тяжбах «устаревшим» (как указывалось выше, уже в первой трети XVI в. самым решающим доказательством по земельным тяжбам был документ).

¹⁰² Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян / Перевод В. И. Матузовой. Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М., 1994. С. 27.

¹⁰³ Pirmasis Lietuvos Statutas. Раздел 8, ст. 5. Р. 222.

¹⁰⁴ ЛМ-228. С. 207. № 111. (1538 г.).

¹⁰⁵ Pirmasis Lietuvos Statutas. Раздел 8, ст. 2. Р. 218.

Но наиболее отчетливо недоверие к сакральным процедурам зафиксировала статья Статута, регламентирующая порядок возвращения долга. При наличии листа на долг у одной стороны, присяга противной стороны, оспаривавшей этот долг, теряла силу¹⁰⁶. Кусок бумаги с текстом теперь обладал большей силой, чем сакральный акт! Шляхтич и мещанин (о крестьянах речь не идет) мог посредством присяги — без листа — отсудить долг на сумму не более чем 10 коп. грошей, все остальное он утрачивал¹⁰⁷. Таким образом, возникло убеждение, что если объектом тяжбы являлся долг на сумму 10 коп. грошей и менее, то присяга еще могла быть правдивой; но она могла стать ложной, если оспариваемая сумма превышала 10 коп. грошей.

Другими словами, сумма более чем 10 коп. грошей склоняла человека к ложному свидетельству перед Богом. На практике эта сумма являлась еще меньшей. Выше упоминалась тяжба между мещанином г. Витебск Отрошкой, его сыном Яковом и внучкой Хоней, с одной стороны, и человеком Витебского повета Мартином Черноцова Отрошковым, с другой, о четырех рублях широких грошей. Судьи отказали Хоне в присяге на этой сумме, поскольку «то есть (четыре рубля грошей. — А. Г.) речь немалая...»; от себя добавим, что в понимании судей присяга на четырех рублях широких грошей была равнозначна неправдивой присяге.

Снижение значения присяги можно заметить и в других сферах общественных отношений. В 1519 г. на всей территории ВКЛ (не исключая и пограничных замков) была введена поголовщина, распространяющаяся на всех панов, урядников и шляхту (князей, панов, вдов и бояр). Все этапы сбора и поступления поголовщины сопровождалась присягой со стороны лиц, которые были ответственны за ее сбор и доставку: присягу приносили паны и урядники (собиравшие поголовщину со своих людей), когда доставляли ее в Вильню, бирчие (которые собирали поголовщину с повета), шляхта (доставлявшая поголовщину бирчим). При этом бирчим следовало присягнуть дважды: первый раз — сразу после их назначения — на том, «ижь тое поголовщины себе не корыстити, ани пакъ кому фольговати», второй раз — при передаче собранной серебщины главным бирчим: панам Янушу Костевичу и Павлу Нарушевичу. И бирчие, и шляхта должны были присягнуть «*подле обычая земьского, на муку Божью*».

Если присяга не играла бы решающую роль в качестве способа контроля за выплатой и передачей поголовщины, то, видимо, в известительных листах, разосланных по поводу назначения и сбора поголовщины, не было бы следующей санкции: если кто со своих людей «несправне» выбрал или утаил, тот утрачивал то имение, с которого не была выбрана поголовщина; это имение переходило в пользу того, кто доносил об этом великому князю и мог доказать данный факт¹⁰⁸. В таком случае возникает вопрос: какой способ контроля был более эффективным — Божья мука или конфискация имения?

Изменения в отношении к показаниям свидетелей и присяге дают возможность выявить изменения в отношении не только к сакральным процедурам, но и к вере и Богу. Восприятие Бога становится более абстрактным. Проявление его силы все

¹⁰⁶ О практической реализации этого положения см.: Лазутка С., Валиконите И., Карнавичене И. Введение. Р. XLVI; LM-225. Р. 123. № 172. (1533 г.); Р. 173. № 242. (1540 г.).

¹⁰⁷ Pirmasis Lietuvos Statutas. Раздел 10, ст. 3. Р. 260.

¹⁰⁸ РИБ. Т. 20. Стб. 1025–1027. № 307. (1519 г.).

более начало связываться не с земной, а с потусторонней жизнью человека. Мораль в значительной степени выделилась из религии. Моральные принципы легли в основу повседневной жизни, а совесть стала одним из регуляторов отношений между людьми.

Поступок крестьян, свидетельствовавших Божью правду, соответствует тому, что писал относительно язычников апостол Павел: «Ибо, когда язычники, не имеющие (писаного. — *А. Г.*) закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают (этим. — *А. Г.*), что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую...» (*Рим. 2:14–15*). Эти крестьяне не являлись язычниками, но в восприятии высших сил у них и ранних христиан есть много общего.

Свидетельство «Божьей правды» — это результат действия механизма *самоконтроля*, на котором основывался социальный порядок общества. В его основе — представления, мало дифференцирующие право, веру и мораль¹⁰⁹. То, что известно о присяге как «веданьи», «поправеньи» (или «оправеньи») *душой*, сближает акт сложения присяги со своеобразным актом *совести*. Согласно с христианским вероучением, Бог уже при создании человека начертал в глубине его души свой образ и подобие; поэтому совесть — это ничто иное как Божий голос в человеке. Очевидно, то же самое можно сказать и относительно Божьей правды. Действительно, совесть — это *механизм самоконтроля*; результаты действия этого механизма ведут к страданию не тела, а *души* (угрызения совести, раскаяние); как следует из призыва судей во время рассмотрения тяжбы между Яном Петрашевичем и Яном Юшкевичем — «Повежьте правду без *душнаго* вразу...», «Повежьте правду, *д(у)ши* своей не вразете, а напасти боитесь», объектом наказания за лжесвидетельство была душа.

Но совесть связана не столько с религиозными, сколько с моральными принципами. Например, сегодня честным может быть и атеист. Совесть — такой морально-психологический механизм, который подразумевает *внутреннюю свободу выбора*, т. е. совесть — это проявление морали как относительно самостоятельной основы и сферы сознания человека. В случае со свидетельством жителей с. Кривичи, «Божья правда» была мало отделена от религии; поэтому она не представляла собой проявления одной только совести. Действия против совести ведет к страданиям не тела, а *души*. Но как указывалось выше, «душа» имела также значение и «жизни» человека; проклятие не сводилось только к внешнему осуждению и внутреннему переживанию виновности и греховности — оно угрожало жизни человека.

¹⁰⁹ «Но в варварском обществе, по-видимому, нет права и морали как разных оснований и форм социального сознания и человеческого поведения. Право и мораль совпадают или близки, ибо правовые нормы обладают не одной внешней принудительностью, опираются не только на систему наказаний, но представляют собой императивы, имеющие также и нравственное, и религиозное содержание» (*Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007. С. 133–134*); «Следовательно, варварское право лишь по названию похоже на право современное, в действительности оно гораздо шире его по объему и функциям» (Там же. С. 134). Антропологи и правоведы используют понятие «мономорма» для обозначения представлений, в которых религиозные, моральные, правовые и другие нормы понимались в нерасчлененном единстве. Впрочем, согласно теонормной нормативной этике русского философа Н. О. Лосского, совесть является первичным, первоначальным свойством человека (*Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. Москва, 1991. С. 70*).

Все это говорит о том, что в случае с крестьянами, дававшими показания против своего пана, мы имеем дело не с внутренним голосом человека, а с пониманием опасности внешней санкции, в данном случае — санкции Бога. Следовательно, фактически свидетельство Божьей правды упомянутыми крестьянами представляло собой механизм *внешнего контроля*, а не самоконтроля.

Понятие «совесть» известно по актовым источникам первой половины XVI в. Например, витебский воевода Матей Войтехович Яновича, рассматривая совместно с витебскими «панами»-боярами и мещанами дело о станции на витебского воеводу на стане в с. Бабиничи Витебского повета, просил упомянутых бояр и мещан, «же бы *водлугъ сумъненья своего поведили*, если бы о тотъ станъ звезомы, хто перед тымъ воевод витебскихъ у Бабиничахъ поднималъ и стацею про ихъ милость давалъ»¹¹⁰. В процитированном отрывке «сумненье» лишено религиозного содержания.

Это и есть проявление совести как морально-психологического механизма самоконтроля. Именно этой совести свидетелей и доверяли судебные стороны, когда допускали их к даче показаний («давали» или «пускали» «на сумненье» свидетелей)¹¹¹. Один из наиболее ранних случаев проявления совести — показания крестьян в тяжбе между Юрием Зеновьевичем и Олехной Судимонтовичем. Крестьяне свидетельствовали не так, как просили судьи («по правде, такъ какъ ся Б(о)га боячи») — они дали ложные показания.

Это значит, что страх перед Богом уже не ограничивал поступок крестьян. Их свидетельство основывалось на внутренней свободе выбора. Другое дело, что свобода выбора была подавлена внешней силой — страхом репрессий со стороны пана. Это значит, что в данном конкретном случае мы имеем дело с проявлением нечестности, противопоставлявшей совести¹¹².

Таким образом, совесть, став одним из регуляторов социальных отношений, заняла место присяги и «Божьей правды». Но могла ли она послужить таким же мощным регулятором социальных отношений, какими первоначально были присяга и «Божья правда»? Наконец, можно ли было доверять совести так, как в начале доверяли присяге и «Божьей правде»? Во время тяжбы, когда одна сторона — боярин Скрамовский — обвинял людей Степана Кончи в нападении на дворец, избииении

¹¹⁰ ЛМ-228. С. 350. № 204. (1540 г.); С. 353. № 205. (1540 г.).

¹¹¹ Во время одной тяжбы о земельном владении ответчики не пустили на присягу истца, отказались присягать сами, но избрав людей со стороны истца, «зволнншия дали *на сумненье*» этих людей, «ижъ мають справедливе тое земли грани завести. Которую-жь землю тыи люди... водле зволенья ихъ и *своего сумненья* завели...» (ЛМ-16. С. 68. № 96. (1532 г.). См. также: ЛМ-16. С. 86. № 119. (1532 г.).

¹¹² В других случаях «сумненье» еще не окончательно отделено от веры в Бога. В конце 1530-х гг. судьи королевы рассматривали тяжбу между городенским ключником паном Лукашем Гриньковичем и крестьянами королевы о пруде, ловле в нем рыбы и ущербе, связанном с заливом сеножатеи и огородов. Когда другие способы доказательства прав на сеножати не убедили судей, последние приказали обеим сторонам «поставить» «довод». В качестве такового со стороны крестьян были поставлены 35 свидетелей, со стороны Лукаша — 18 свидетелей. И те, и другие свидетельствовали в пользу своей стороны. Судьи, выслушав показания свидетелей каждой стороны, и «бачечи» показания свидетелей подданных королевы более «достаточными» и «кгрунътовными», предложили им «поправить» свои показания телесной присягой, а пану ключнику избрать из них шестерых и вести их к присяге. Судьи трижды спрашивали у Лукаша, готов ли он вести свидетелей к присяге. Лукаш ответил: «Ижъ ихъ не веду, бо вижу, ижъ готови сут присягнуть, а маю досыть на повести ихъ, а *сумненья души* своее и ихъ не хочу завести, а то кромъ жадное присяги пуцамъ подданныхъ г(о)с(под)д(а)рьскихъ» (ЛМ-25. Р. 153. № 93. (1539 г.)). Это «сумненье души» не дифференцированно от сакрального акта — присяги, чего нельзя сказать о других упоминаниях совести.

челяди и отбивании замков от свирана, Конча признал вину своих людей, заявив: «Милый пане Скравовский! *Верю твоему сумненью*: естли будуть тыи люди мои квалть учинили, и я тебе тыи люди шиими выдаю...»¹¹³

Но так было далеко не всегда. Совесть не могла заставить человека во всех необходимых случаях говорить правду. Прошло время, когда можно было верить человеку «на слово его»¹¹⁴ «яко доброму человеку...»¹¹⁵ В условиях деформации в системе ценностей, изменения норм и стереотипов, искажения моральных норм голос совести был более слабым по сравнению со стремлением к наживе, страхом перед сильными людьми, силой негативных эмоций, ценностями приятельских и родственных отношений и т. д. Люди перестали верить слову всех и каждого. Во время тяжбы между Юрием Зеновьевичем и Олехной Судимонтовичем первый понимал и прямо заявлял перед судьями, что свидетели не способны давать правдивые показания (под давлением Олехны), безусловно, он не мог доверять этим свидетелям. Не могли им доверять и судьи, которые по требованию Юрия признали целесообразным использовать самый решающий прием доказательства правды — присягу.

Первоначально суд был только Божьим; его вершил Бог. Для того, чтобы доказать правду, обращались к Богу, его ответ являлся «Божьей правдой». В классическом и позднем Средневековье и следствие, и суд назывались «правом»¹¹⁶. Окончательным результатом права была «справедливость», что, в частности, отразилось в клишированной формуле «право дати и справедливость учинити»¹¹⁷. В основе слов «право» и «справедливость» — «правда»¹¹⁸. «Справедливость учинити» — найти, дать «правду»¹¹⁹. По терминологии классического и позднего Средневековья присягнуть

¹¹³ РИБ. Т. 20. Стб. 57. № 52. (1510 г.).

¹¹⁴ ЛМ-16. С. 19. № 23. (1530 г.)

¹¹⁵ ЛМ-225. Р. 155. № 210. (1540 г.).

¹¹⁶ Право просили (просили провести следствие и суд), давали (допускали к следствию и суду), «ку праву позывали» (вызывали в суд), в право «вступовали», «становилися» (вступали в судебную тяжбу), право имели, вели, в праве стояли (судились), перед правом свидетельствовали (свидетельствовали перед судом), правом «искали», «зыскали» (решали дело через следствие и суд), с права «не спускали» (не отказывались от претензий, которые были предъявлены судебным порядком) и т. д.

¹¹⁷ См. также: «Нижли справедливости отъ него мети не могу. Колко разовь есми жаловаль и роки онъ сам покладаль, а никому права не даль» (ЛМ-228. С. 186. № 100. (1539 г.)); «...и онъ намъ права дати и справедливости жадное и до сихъ часов вчынити не хотель» (ЛМ-228. С. 296. № 168. (1540 г.)). «Справедливость» можно было желать, просить, иметь, свидетельствовать, она могла не «стать», т. е. могла быть не установлена. «Справедливость» могла быть лучшей, «конечной», т. е. окончательной. Можно было «справедливе досмотрети», «справедливе догледети», «справедливе светъчтъ».

¹¹⁸ По Псковской судной грамоте и Судебнику 1497 г. целовать крест = «дать правду» (*Сергеевич В. И.* Лекции и исследования... С. 437). Ср. значения слова «правда» в словарях старославянского и древнерусского языков (Словарь старославянского языка. СПб., 2006. Т. 3. С. 244–245; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 2. Стб. 1355–1360; Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва, 1992. Вып. 18 / Авторы словарных статей О. И. Смирнова, В. Г. Чурганова. С. 96–99).

¹¹⁹ Старославянское «правъ» — «прямой», «ровный», «правильный», «справедливый» (Словарь старославянского языка. Т. 3. С. 242–243). Ср. скандинавское слово *réttr*, которое кроме значения «право» также означало: «прямой», «точный», «правильный», «справедливый» (*Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. С. 134). «Право», «правда» противопоставлялись тому, что называлось «кривда» — традиционное определение, при помощи которого в актовых источниках фиксировалось правонарушение в отношении к людям. Старославянское «кривъ», «кривьи» = плохой, неправильный (Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Москва, 1985. Вып. 12. С. 171). Отсюда выражения: «криво оучинити» (АЗР. СПб., 1846. Т. 1: 1340–1506. С. 1. № 1. (1352 г.)); «кривое сведество» (РИБ. Т. 27. Стб. 590. № 76. (1495 г.)). Слово «правда» сохраняло значение правового термина в Древнерусском и Рос-

означало «поднести право». Следовательно, стороны в буквальном смысле этого слова «подносили» правду, которую давал им Бог. Способом выяснения правды — «Божьей правды» — являлись сакральные процедуры. По словам А. Я. Гуревича:

«Синоним справедливости, оно (право. — А. Г.) в то же время не ориентировано на истину в нашем ее понимании: истинным считали то, что было доказано в суде посредством клятв и присяг... Клятвам, ритуалам, ордалиям и поединкам верили больше, чем каким-либо вещественным доказательствам и уликам, ибо полагали, что в присяге раскрывается истина, и торжественный акт не может быть выполнен вопреки воле Бога»¹²⁰.

Бог не только давал правду, но и устанавливал ее, посылая ласку одним и гнев другим и т. д. Ситуация изменилась в результате секуляризации и рационализации сознания человека. Суд перестал быть Божьим. *Теперь суд вершили люди — судьи; «Божью правду» заменили результаты следствия.* Следствие приобрело светский, рациональный, практический характер и основывалось на логических доказательствах. Доказательства искали в реальной жизни. Приговор выносился на основании выяснения *реального положения вещей.* Во время тяжб не обходилось без сакральных действий, однако последние имели односторонний характер. Для судей они имели практическое значение и представляли собой не более, чем вид следствия.

Сакральный характер сохраняла судебная присяга. Но постепенно в тяжбах о земельном имуществе, судебными сторонами которых выступала шляхта, присяга была вытеснена другими доказательствами, главным из которых стали документальные свидетельства. Божья правда являлась правдой «последней инстанции», она не требовала доказательств. Теперь правду надо было доказать путем следствия. Таким образом, теперь судьи, проводившие следствие, а не Бог стали давать правду. Правда судей требовала доказательств. «Судебный» лист содержал не только приговор суда, но факты и результаты следствия, одновременно являвшиеся подтверждением этой судебной «правды». В отличие от Божьей правды, доказательств требовало все, что было сделано человеком.

Полнота власти Бога перешла к великому князю, он стал воплощать высшее право и высший суд, образ и подобие Господа. Приблизительно в 1496 г. жители с. Жорославка давали показания виленскому пану, городенскому наместнику князю Александру Юрьевичу, и жомойтскому старосте, пану Станиславу Яновичу, о принадлежности этого села (принадлежало ли оно великому князю или было пожаловано кому иному), заверяя, что свидетельствуют они «верне а справедливе». Между прочим, они сообщили, что Скиндир (очевидно, один из претендентов на село) посылал к ним слугу с просьбой засвидетельствовать то, что он им скажет, обещая за это по кожуху, и по сукну. «И мы того не вчинили, — заявили крестьяне, — боялись есмо Бога и з(о)с(по)д(а)ря великого кн(я)зя»¹²¹.

Мистическая, иррациональная связь, существовавшая между Богом и людьми, позволяла Богу обходиться без «аппарата» власти, необходимого для осуществления внешнего контроля над обществом (наместников, должностных лиц, учреждений,

сийском государствах. «Правдой» называли процесс представления и проверки доказательств; отдельное доказательство (например, свидетелей); право, которое принадлежало истцу и защищалось в суде, закон и т. д. (Ключевский В. О. Терминология русской истории. С. 170–171).

¹²⁰ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 146.

¹²¹ LM-6. P. 335. № 567. (1496 г.).

реальных исполнителей). Но великий князь не обладал способностью устанавливать такую связь и, соответственно, видеть правду каждого человека. Ему и его заместителям, как судьям, нужны были реальные и логические доказательства правды. Одним из таких доказательств и должен был стать документ. Его распространение стало индикатором развития не *религиозно-правовых*, а именно *правовых* отношений.

Статья подготовлена при поддержке Фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf), Германия, в рамках проекта «Truth and trust crisis: Formation of written culture in business and legal spheres of the Grand Duchy of Lithuania (last third 14th – first third 16th century)» (AZ 15/SR/08).

Summary

The key idea of the article is the following. According to initial ideas of a society and individuals their activity was under close control of God who actively interfered in human life. It was shown, in particular, in great value in society functioning of such phenomena as an oath and a testimony of so called Gods' truth. The close control and active intervention of God in human life maintained functioning of oral right and trust of people to each other. Written evidences for acknowledgement of rights were not claimed; in order to prove rights it was sufficiently to swear or inform Gods' truth. As the result of consciousness secularization and development of rational relations qualities, abilities and will of man, instead of God ones started to play the main role. People appeared face to face to each other out of the control of supreme forces. Negative qualities of people were bared. People ceased to trust each other. The role and value of sacred procedures decreases. There was need for use of other means of acknowledgement of rights by means of written texts.